

Венецейскій истуканъ.

Картинки московской жизни XVII вѣка, въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

П. П. Гнѣдича.

Къ представленію дозволено 27 сентября 1893 г. № 4488.

Разрѣшеніе постановки пьесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общества Русскихъ Драматическихъ писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Борисъ Петровичъ Юреневъ.
Афросинія Егупьевна Коптева, вдовая боярыня, лѣтъ подъ 70.
Всеволодъ Тимофеевичъ, сынъ ея, лѣтъ за 50.
Антонида Авдѣевна, жена его, 23-хъ лѣтъ.
Тимоша, 17-тилѣтній сынъ его отъ перваго брака.
Кузьма Петровичъ Мяздра.
Іеронимъ, странный человѣкъ изъ Іерусалима.
Ерошка Комаръ, бывшій смотритель царскихъ попугаевъ.
Генрихъ Гаррингтонъ, англискій человѣкъ изъ Нѣмецкой слободы.
Карлъ Адамовичъ Шнелле, нѣмчинъ изъ Нѣмецкой слободы.
Митрій Ивановъ, хозяинъ постоялаго двора у заставы.
Марѳуша, жена его.
Микита Ильинъ, слуга Юренева.
Козлиха, ключница у Коптевыхъ.
Аксютка, дѣвка у Коптевыхъ.
Ульяна, стряпка у Иванова.
Данилко Щедунъ, изъ подъячихъ.
Петрушка, одинъ изъ старшихъ слугъ у Коптевыхъ.
Малецъ на постояломъ дворѣ.
Слуги.

Первое и третье дѣйствіе у Митрія Иванова, на постояломъ дворѣ; второе и четвертое—у Коптевыхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Новый срубъ въ корчмѣ Митрія Иванова. Расписная печь. Лавки крыты сукномъ, на полу половики, на одной стѣнѣ—коверъ. У печи расписной юршокъ и тазъ для умыванья. Справа входная дверь, въ глубинѣ—дверь на половину хозяина, слева два слюдяныхъ окна.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Въ лѣвомъ углу въ глубинѣ сидитъ Іеронимъ и вздымая пѣту тюрю. Ближе у окна, на лавкѣ, Гаррингтонъ куритъ трубку и чиркаетъ что-то въ записную книжку. На скамьѣ авасценъ, у стола, Комаръ трень-

каетъ на балабайкѣ. Малецъ съ пустыми кружками идетъ ко входной двери. Изъ нея выходитъ Микита Ильичъ.)

Мик. Эй, малецъ, Митрій Ивановичъ дома?

Мал. (чуть не уронивъ кружки). Микита Ильичъ... Господи!

Мик. Не призналъ?

Мал. Господи! — Хозяинъ дома, сейчасъ доложу.

Мик. Иди, поворачивайся.

Мал. Хозяинъ съ хозяйкой только отъ обѣди... Давно ли вернулся, Микита Ильичъ?

Мик. Бѣги, — живымъ духомъ, — стану я съ тобой бесѣдовать.

Мал. Господи! (*Скрывается въ дверь въ глубинѣ.*)

Мик. (*оглядываясь*). Срубъ-отъ новый у него. Чисто — хоть боярину впору. Иноземецъ сидитъ. Ишь ты, курить нонѣ при образахъ Митрій Ивановичъ позволяетъ, скажи на милость, а? Это въ Москвѣ-то... Добро бы въ Венеціи, либо Флоренціи. — Перемены за отсутствіе наше произошли не малыя!.. (*Пройдѣвъ въ глубину, останавливается предъ Героимомъ*). Изъ странствующихъ?

Іер. Съ Іордана, съ Ерусалима, попомничаю.

Мик. (*усмѣхаясь*). Ишь ты! Тоже вѣдь! Съ басурманскихъ земель, хе! (*Проходитъ къ Комару.*)

Ком. (*перебирая балалайку*). Купецъ, дай алтынъ, пѣсню спою.

Мик. Купецъ! Ты сперва узнай, кто передъ тобой, а потомъ ужъ и заговаривай.

Ком. Можетъ королевичъ заморскій какой! Такъ намъ это все едино. Намъ кто алтынъ дасть, тотъ и бояринъ. (*Затѣваетъ.*)

Жила-была бабича

На горѣ подъ дубомъ...

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣмъ и Малецъ съ хозяйской половины, потому Митрій Ивановъ.

Мал. (*Комару*). Чего ты орешь! Хозяинъ воспретилъ тебѣ безъ дозволенія...

Ком. Хозяинъ, чего мнѣ хозяинъ!

Мал. Митрій Ивановичъ идетъ сейчасъ, — присядь, Микита Ильичъ.

Мик. Новоселье у васъ?

Мал. Такъ точно, Микита Ильичъ. Съ Покрова сюда перешли. А тамъ, въ прежнемъ срубѣ — черная половина осталась для извозчиковъ...

Мик. Хорошо торгуете?

Мал. Нечего Бога гнѣвить, Микита Ильичъ — живемъ. Много у насъ, особливо въ праздникъ, народа ходитъ.

Мик. (*кивнувъ головою на человека съ книжкой*). А это кто у васъ, — нѣмецъ?

Мал. Съ Нѣмецкой слободы аглицкій чело-вѣхъ, Генрыкъ Ивановичъ.

Мик. Чего-жъ это онъ въ книжку-то пишетъ?

Мал. Кто его знаетъ, — цѣлыми днями сидитъ здѣсь. Молчитъ и въ книжку царапаетъ. Пьетъ здорово.

Мит. Ив. (*въ широкой рубахѣ*). Гостю дорогому поклонъ! Давно ли прибылъ? Какъ въ

своемъ здравіи и души спасеніи? (*Цѣлуются.*)

Мик. Ужъ вотъ шестой день!

Мит. Ив. Ну, садись, садись, — чѣмъ угощать? Небось, теперь съ московскаго-то тебя воротить будетъ?

Мик. Не говори: коли медъ стоялый — супротивъ венецейскаго не выдержитъ.

Мит. Ив. О! ну, малецъ, слышь, дѣйствуй живо. — Садись, Микита Ильичъ. Что-жъ не за-лавалъ раньше?

Мик. Да гдѣ жъ тутъ: раскладка, да установка, чмоканье, да здоровканье, Дашки да Машки, — все здѣсь свои. Сколько времени-то не видались.

Мит. Ив. А н важности въ тебѣ сколько стало, — фу ты — прочь поди! Небось въ заморскихъ-то земляхъ за боярина принимали?

Мик. Всяко бывало.

Іер. Господи, Христе Спасе, помилуй насъ! (*Утираетъ ротъ рукою.*)

Мит. Ив. Бояринъ твой что?

Мик. Бояринъ что! Бояринъ теперь у насъ въ такой чести — два раза на Верхъ во дворецъ звали.

Мит. Ив. О!

Мик. Подарковъ что навезъ, — обозы цѣлые идутъ. Я сюда ихъ караулить присылаю. Да думаю — чего возлѣ заставы трепаться, — сѣйка я лучше у Митрія посижу. — А ты совсѣмъ важно устроился!..

Ком. Жила была бабича

На горѣ подъ дубомъ,

Она пошла париться...

Мит. Ив. Нишкни ты! Съ утра, какъ пѣтухъ натошакъ поетъ...

Ком. А ты, можетъ, поднесешь!

Мит. Ив. Ладно — пождешь — не загорѣлось.

Мик. Чудесно! Это на манеръ итальянскій гостиницъ... Немногого недостаетъ...

Мит. Ив. Ну?

Мик. Вотъ каминка мраморная замѣсто печи, стѣны тоже мраморныя и на нихъ фреску написать...

Мит. Ив. Фреску?..

Мик. Бабу въ полной наготѣ...

Мит. Ив. Тѣфу-ты.

Іер. Господи Іисусе Христе, Праскева пятница!

Гар. Фрескъ? (*Записываетъ что-то в книжку.*)

Мик. Да фонталъ еще завести средъ комнаты...

Ком. Фонталы-то я видѣлъ. Въ нѣмецкой слободѣ у нѣмца Адама Ѳеодорыча Кнабе фонталы есть: вода въ дробныя капли прыгаетъ, а къ солнцу ежель — какъ камень хрусталь.

Мит. Ив. Навидался ты всего вдоволь, Микита Ильичъ?

Мик. Комидію смотрѣлъ, — какъ на рыбагъ по морю ѣздить. Дука въ Венеціи видѣлъ...

Гар. Duke, Venice, Florence?

Мик. Въ Венеціи дука видѣлъ, въ Венеціи, а не во Флоренціи; — ишь ты, куцый, туда-же!

Гар. Ambassador?

Мик. Унѣ амбаскьядоре! Си, сеньоръ, си! ю амбаскьядоре.

Гар. (подавая ему руку). Yes! (Возвращается на свое мѣсто.)

Мит. Ив. По-басурмански говорить! Ай да Микита Ильичъ, — охъ-охъ, до поджилокъ пропало...

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и Мяздра, справа.

Мяз. Честной компаніи совѣтъ да любовь! Чортъ бы дралъ эту жарницу, я весь размокъ... Почтенный хозяинъ, — какъ живешь, много ль плутуешь...? А! англичанинъ здѣсь. Гуть-моргенъ! (Подаетъ руку Гарринтону.)

Гар. Сдоровъ! — Слушъ, я утилъ русски: твой носъ вмѣсто фонарь можно держать тѣмнъ горнисъ. (Послѣднюю фразу онъ читаетъ по книжкѣ.)

Мяз. Ай да Генрыкъ Ивановичъ!.. Ой-ой-ой! Фонарь?.. Охъ-хо-хо!.. Всѣмъ расскажу, всѣмъ. — Зеркала нѣтъ у тебя?.. Посмотрѣться бы... Ой-ой, — Митрій ставъ на столъ — угощаю. Англицкій человекъ, херръ Генрыкъ, садись къ столу. Ахъ, чертова перечница, — по-русски заговорилъ! (Сажаетъ Гарринтона, взявъ за плечо, рядомъ съ собой). А это кто? Въ первый вижу?

Мик. (приподнявшись). Боярина Юренева служающій человекъ Микита при посольствѣ. Потому, какъ молочный братъ...

Мяз. Садись! Садись, — вмѣстѣ пить будемъ. — Кто тамъ, — человекъ божій, ты что въ углу хрюкаешь?

Іер. Я, воинъ именитый, — хожденіемъ занимаюсь: былъ во святомъ градѣ Ерусалимѣ — камешки съ Иордана привезъ... Коли желаешь, могу тебѣ представить.

Мяз. Вино пьешь?

Іер. Не употребляю.

Мик. Садись и ты... Ерошка, рыжій чортъ, иди сюда; Брось балалайку, — угощаю! (Мальцу.) Ты, — щенокъ вслоухій, — какъ ты смѣешь въ моемъ присутствіи ставить на столъ такую малую порцію? Не знаешь меня! Тащи, что подобаешь! Не понимаешь? (Малца ублажаетъ.)

Мит. Ив. Ты говоришь: «порцію»? — Что же это обозначаетъ — «порцію»?

Мяз. Нѣмецкое слово: изъ нѣмецкой слободы идетъ.

Ком. Это точно, — нѣмецъ Адамъ Федорычъ завсегда говорить «порція». Хорошее слово.

Мит. Ив. Но въ какомъ же смыслѣ?

Мяз. А въ смыслѣ предѣла. Всякому своя порція. Съѣлъ ты ушицы три тарелки — больше не могу — порція. Выпилъ боченокъ — порція. Значить, что на каждого человека полагается.

Ком. Это хорошее слово, Кузьма Провычъ, На Москвѣ это слово пойдеть, какъ Богъ святъ, пойдеть, помани меня. Слово легкое, не то что жное какое. Что человеку довольно, то и порція... Хорошее слово.

Мяз. Соляночки бы на сковородочкѣ сокрушить, — а? Можетъ есть рыбка какая?

Мит. Ив. Найдется, какъ не найтись — на всѣхъ, что-ли?..

Мяз. Вали на всѣхъ!

Ком. Скучно это на сковородкѣ.

Іер. Только что насытилъ себя, отецъ, и при томъ — памятуя Успеневъ постъ — рыбы невкусую...

Мик. Меня тоже уволь. Въ Венеціи отвыкъ я отъ московскаго готовления.

Мяз. Эка фря! Чортъ съ ними, пуцай не ѣдятъ. Готовъ только мнѣ и Ярошкѣ.

Іер. Служивый! и къ чему ты его поминать?

Мяз. Кого?

Іер. А этого, — что съ Іудой — предателемъ на колѣнахъ изображается!

Мяз. Чорта-то?.. А что жъ мнѣ его не поминать? Онъ на меня не обидится...

Іер. Служивенькій, — извѣстно не обидится, — а въ радость еще придетъ. Ты посвистишь, а онъ, рогатый, ужъ тутъ какъ тутъ: то съ одного бока забѣжитъ, то съ другого.. Вотъ и ногу на ногѣ ты держишь, и качаешь ею...

Мяз. Ну, и что жъ?

Іер. Не хорошо. Рогатый-то ужъ и тутъ. Ужъ онъ у тебя на ногѣ сидитъ и радуется, что ты его качаешь, да забавляешь.

Мяз. (быстро спустивъ ногу.) Что ты врешь, — никто у меня на ногѣ не сидитъ. Какой «рогатый»?

Ком. (ослабившись). Можетъ, отецъ честной, ты такъ до чертиковъ допился, что ужъ и видишь ихъ всюду? Это бываетъ.

Іер. Пресвятая Владычица, спаси насъ!

Ком. А что жъ, я чорта не видѣлъ, а вотъ моему тятенькѣ чортову собаку видѣть доводилось.

Мит. Ив. Это каку-таку чортову собаку?

Ком. Онъ махонькимъ былъ. Это когда еще Гришка-Растрижка на царствѣ сидѣлъ. Такъ онъ у него во дворцѣ видѣлъ: — трехголовый песь, и изо рта огонь изрыгалъ.

Мик. Можетъ, это писано краской масляной?

Ком. Какое, песь настоящий.

Мяз. Слыхалъ я это. — Просто кузла — ничего больше.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и Марѳуша.

Мар. Господи! Микитушка! Здравствуй, въ своемъ ли здоровьѣ прибылъ? Подумаешь, сколько не видались!

Мик. Точно что—перемѣнь много.

Мар. Ишь ты, какой гладкій сталъ, выровнялся.—Съ бояриномъ вернулся?

Мик. Съ бояриномъ. Воротился—просто не узналъ Москвы. Бояринъ Коптевъ—тотъ совсѣмъ на иностранный обычай повелъ. Музыка за обѣдомъ играть, жена съ гостями сидѣть, ребята латыни обучаютъ,—самъ бороду сбрилъ.

Мар. Не онъ одинъ,—нынче пошло промѣжь бояръ-то: бритые, ровно поляки, по улицамъ ѣздить.

Іер. Антихристъ-то близокъ, у вратъ города стоитъ.

Мяз. Каркай ты, ворона! А по мнѣ куда теперь лучше. Эти самыя полы на кафтанѣхъ урѣзать, трубку въ зубы, вотъ какъ у Генрыка Иваныча.

Гар. Yes!

Мяз. Ихнюю сестру изъ терема выпустить. Чего ей тамъ лѣтники-то просиживать. Пущай гуляетъ, какъ всѣ прочія...

Мит. Ів. А ежели разгулъ пойдетъ?

Мик. Однако же живутъ во Флоренціи дѣвцы безъ запоровъ, и все обходится въ лучшемъ видѣ. И на комидіи сидятъ всѣ вмѣстѣ, и представляютъ комидію,—и даже пляшутъ.

Мяз. Ну?...

Мар. Расскажи, Микитушка, какъ же онѣ тамъ?

Мик. Предивно пляшутъ, всѣ въ золотѣ. А въ комидіи—море было, и на облакахъ люди сидѣли. Потомъ внизъ опустились, подхватили съ земли человѣка подъ руки и наверхъ пошли...

Ком. Скажите!

Мик. И потомъ спускался съ неба съѣдъ человѣкъ въ каретѣ. Потомъ было поле, полное костей человѣческихъ, и враны ихъ клевали...

Мяз. (*отдываясь отъ меда*). Люблю я эти нотѣхи. Вотъ тоже медвѣдей водятъ, показываютъ, какъ ребята горохъ воруютъ,—гдѣ сухо,—на брюхѣ, гдѣ мокро—на корачкахъ... Что жъ ты не пьешь, аглицкій рожекъ?

Гар. Пію!

Мяз. Ну, а ты, іорданская селедка, чего смотришь?

Іер. Вина и елѣя не употребляю.

Мяз. А пива?

Іер. Ниже пива.

Мяз. Эхъ ты! И въ писаніи сказано: «Принимте пиво піемъ новое?» Что, братъ, не знаю я, что-ли, вашего дѣла...

Іер. Братіе, тако ли есть православнымъ вѣра и чинъ? И сія ли христіанская лѣпота и законъ? Стучать въ бубны, гласъ сопѣлій, и гудуть струны...

Мяз. Вона какъ!

Іер. Женамъ же и дѣвамъ плесканіе и писаніе, и главамъ ихъ покиваніе, устами ихъ непріятенъ кличъ и вопль, и хребтомъ ихъ виляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе...

Ком. Чудесное дѣло! Это самое виляніе—сдѣлайте милость, хотъ предъ царскими очами продѣлаемъ,—останутся довольны.

Іер. (*не слушая*.) Гусельные гласы,—всякіе ворчаные гласы, замарные пѣски... Будеть ли такъ на томъ свѣтѣ?

Мяз. Экъ куда метнулъ! На томъ свѣтѣ! А почему ты знаешь, что тамъ будетъ?

Іер. Будутъ грѣшники низвергнуты во тьму кромѣшную...

Мяз. Ну, тогда давай сидѣть вмѣстѣ,—вонъ у меня фонарь для темноты есть. (*Толкаетъ локтемъ англичанина.*)

Гар. Yes!

Мик. И что это не ѣдетъ нашъ обозъ? (*Подходитъ къ окну.*)

Мар. А вы какого же это обоза ждете?

Мик. Обозъ,—подарки бояринъ везетъ, да комиссію одну для нѣмца. Съ корабля везутъ. Извѣстіе еще изъ Хотькова было, что все благополучно. Сегодня должны прибыть.

Мит. Ів. Это что же «комиссія»?

Мик. Порученіе. Нѣмецкое слово. Нѣмцу Кнабе въ нѣмецкую слободу истукана везетъ.

Іер. О, Господи спаси!

Мар. Какого же это истукана?

Мик. Бога Меркуріуса.

Мит. Ів. Этакая погань!

Мик. Богъ Меркуріусъ, который съ богиней Венусъ въ мамурныхъ шапкахъ былъ.—Большущій ящикъ веземъ сколь возможно бережно.

Мяз. Что жъ, на престолѣ поганомъ сидѣть?

Мик. Ни-ни. Стоитъ на одной ногѣ, а другую ногу назадъ отогнулъ. На головѣ горшокъ съ крыльями. Одну руку вверхъ поднялъ, и палецъ показываетъ, а въ другой палку держитъ,—а на палкѣ птица евстрафилъ и двазмія: аспидъ и василискъ.

Ком. Неужто Адамъ Бармычъ молиться на него будетъ?

Мик. Нѣтъ, онъ либо на крышку хотѣлъ его ставить, либо середъ двора—я что-то не дослышалъ. Меркуріусъ—богъ торговый.

Іер. Не врагъ ли это человѣчества изображенъ?

Мяз. Ну, дѣдъ, тебѣ бы къ ночи рассказывать моей тещѣ поученія: у нея съ постной пицци колени колятъ: можетъ, полегчало бы.

Мик. А боярину Коптеву веземъ ны посуду венецейскую. То-есть такую посуду: глаза разбѣгаются. У царя такой нѣтъ,—вотъ даже какъ...

Іер. Бѣсовская мудрость!

Мяз. Да присохла ты! Божій человекъ, а

хулу на все изрыгаетъ. — Чего тебя, трогаютъ, что-ли? — Ты вотъ лучше выпей.

Іер. Сыне, не мало я исходилъ на вѣку, не мало видѣлъ!

Мяз. Ты думаешь, я не видѣлъ? Да я, братъ, то видѣлъ, что за столомъ и сказать-то нельзя. — Пей, а то сокрушу! Смотри на меня, я могу между прочимъ ведро выдуть.

Ком. Ну, зачѣмъ же такъ много? Хотя твоя милость на бочку похожа, а ведра не выпьешь.

Гар. Нѣтъ!

Мяз. Ахъ ты, морская треска! какъ не выпью! Давай сейчасъ выпью. До вечера буду пить, и ни въ одномъ глазѣ...

Гар. Нѣтъ!

Мяз. Нѣтъ, а закладъ хочешь?

Гар. Ну?

Мяз. Кто кого перепьетъ? Ты (Тыкаетъ пальцемъ), либо я. Чье перепитіе будетъ, того закладъ.

Гар. (выбрасывая нѣсколько монетъ.) All right.

Мяз. Хозяинъ, — тащи ведро.

Мит. Ив. Кузьма Провычъ, ты ужъ вѣдь закладку сдѣлалъ, не выдержишь!

Мяз. Выдержу! Чего не выдержать! Въ лучшемъ видѣ! Онъ думаетъ, что у нихъ у однихъ пьютъ, — я тебѣ покажу, что русскій можетъ. — Волоки сюда, Митрій Ивановичъ. — Чортъ меня побери, виѣстъ съ дѣдомъ этимъ, ежель только...

Іер. Господи...

Мяз. Ежели только перепьетъ онъ меня? Неужто перевелись у насъ на Руси пьяницы...

Іер. Охъ, не перевелись!

Мяз. Врешь, крѣпка еще Русь, — еще тебѣ она это покажетъ. (Засучиваетъ рукава.) Ишь, кулакъ — отъ?

Гар. Уес!

Мяз. Видишь?

Гар. (Засучивъ рукавъ своего кафтана показываетъ тоже кулакъ.) Oh!

Мит. Ив. Потѣха съ ними! (Уходитъ).

Ком. (запѣваетъ). Она пошла париться.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же безъ Митрій Ивановича.

Мар. (отводя Микиту къ сторонкѣ). Небось тамъ на нѣмокъ-то страсть зарился?

Мик. Ну, да вѣдь и ты, небось...

Мар. Чтобы я? Да ни въ жисть, никогда... Ужъ такъ-то я тебѣ рада, такъ рада...

Мик. (крутя усы). Намъ на Москвѣ всѣ рады!

Мар. У боярина-то твоего съ Коптевой неужто опять?

Мик. Опять. Больше чѣмъ прежде. Охъ, дошлый онъ у насъ на этотъ счетъ. Я — куренокъ

передъ нимъ. Зная его норовъ, вижу, что онъ переключаетъ старика Коптева въ лучшее видѣ. Онъ теперь все къ нему каждый день ѣздитъ и учитъ, какъ за моремъ живутъ. Вреть, какъ лошадь, а тотъ-то ушами хлопаетъ. Онъ, погоди, еще наскажетъ, что тамъ, за границей, чужихъ женъ на поддержаніе даютъ. А ужъ Коптевъ, страсть, изъ шкуры лѣзетъ, только бы ему на нѣмецкій манеръ...

Мар. Ну, а меня-то, Микитушка, ты не забудешь?

Мик. Ишь ты гладкая какая. (Щиплетъ ее возлѣ локтя.) Ровно рѣпа, не уколыпнешь... И нѣтъ, я скажу, нигдѣ такихъ тѣлесъ, какъ у насъ на Москвѣ.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

(Дверь съ шумомъ распахивается и на порогѣ является въ легкомъ льтнемъ кафтанѣ и въ шапкѣ съ каменьями тридцатисемилѣтний красавецъ — бояринъ Юренивъ съ попойкой въ рукѣ и со звономъ шпоръ на высокихъ каблучкахъ).

Юр. Такъ и есть: Микита ужъ при бабѣ! Чего ты, любочникъ, здѣсь торчишь, — не видишь, обозъ подъ окнами стоитъ. Я у заставы встрѣтилъ — гляжу и туда и сюда, — а ты здѣсь, хахель. Живо распорядись, чтобъ Коптеву посуду везли, а къ нѣмцу — Меркурія. Самъ свежи, чтобъ возчики не путались понапрасну. Ишь ты, бабу-то какую нашелъ?... на манеръ Дуковой жены, — помнишь? Только пожирѣ эта. (Треплетъ хозяйку по спинѣ.) А, и ты еще сопишь, старый хрѣнь?

Мяз. Что-жъ, бояринъ, старый-то хрѣнь еще больше въ носъ бьетъ! Скоро на тачкѣ животъ возить буду... Ты какъ?... Можетъ прежнее вспоминешь, — кутнемъ, а?

Юр. Нѣтъ, братъ, теперь у меня другое въ мысляхъ.

Мяз. Да вино-то просвѣтленіе въ человѣкѣ дѣлаетъ. Я вотъ за послѣднихъ лѣтъ тридцать не могу дня припомнить, когда трезвымъ былъ. Еще бабка-угадка говорила, что моги сгоришь ты отъ вина, и вино изъ тебя исходить паромъ будетъ. Ну, паръ-то идетъ, а вино только внутрь входитъ...

Юр. Нѣтъ, братъ, — не то у меня теперь совѣмъ...

Мяз. Знаю, опять на мужнюю жену чью заглядываешь. Ну, коли что нужно — не забудь. Самъ знаешь, другого по всей Москвѣ нѣтъ, какъ я. Кузьма съ своимъ брюхомъ черезъ какой угодно тынъ пролѣзетъ, что хочешь выкрадетъ.

Юр. На это тебя взять. Можетъ денегъ надо?

Мяз. Кузьмѣ завсегда нужны деньги. Вотъ на кровный съ агличаниномъ играю...

Юр. (Внимая нѣсколько монетъ изъ

кошеля.) А вѣдь оно, въ самомъ дѣлѣ, можетъ, — что оборудовать и придется. Ну, да вѣдь тебя, старую перечницу, здѣсь всегда найти можно...

Мяз. Я всегда здѣсь. Ты свисни только, а я какъ листъ передъ травой...

(Юрневъ, кивнувъ головой, идетъ къ двери. Микита, соплывшійся очень серьезнымъ, кидается ее растворять.)

Юрен. (на порогѣ). Хозяйка, гоняй его отсюда чаще; отъ дѣла отбивается! А то мужу скажу!..

Мин. (тихо). Ахъ, бояринъ! я же развѣ жалуюсь на тебя Коптеву, Всеволоду Тимофеичу! Ахъ, не хорошо...

Юрен. Ну, цыцъ! (Скрываются, Марфуша ихъ провожаетъ.)

Іер. (кашляетъ и машетъ на трубку Гарринтона). Тѣфу, проклятый, какъ дымомъ задушилъ!..

Ком. Ишь ты! — Какъ чортъ отъ ладона бѣжить.

Іер. Ты бы, сыне, устыдился такъ говорить-то. — Одно дѣло, ладонъ, а другое — табакъ. Табакъ-то вѣдь изъ утробы блудницы выросъ.

Ком. И что, дяденька, тебя на Москву принесло. То-есть, куда-бы тебѣ лучше было сидѣть на пупѣ земли, въ Царь-градѣ.

Іер. Старъ сталъ, на отдыхъ сюда притекъ, сыне! Отдохнуть хочу плотію. — Ты самъ изъ какихъ же будешь?

Ком. Я? Я — нѣмецкій выученикъ. Былъ тутъ нѣмецъ-потѣшникъ, князь Янъ... Такъ онъ меня, еще мальченкой, училъ на потѣху царскую по канату ходить.

Іер. Съ нами сила крестная...

Ком. Въ нѣмецкой куртѣ я такъ и ходилъ, — вмѣсто шапки — аркчина. А потомъ я вмѣстѣ съ князь-Яномъ въ потѣшной подклѣтѣ за попки смотрѣлъ.

Іер. Это за какими попками?

Ком. Попуган такіе были у царя всякіе — разные. Миндальными ядрами да калачами ихъ кормятъ. Потомъ за слономъ смотрѣлъ, съ арапомъ Чаномъ. Все при всякой звѣри состоялъ. При медвѣдяхъ бѣлыхъ, при лвахъ, что въ Ямѣ у Иверской сидѣли. А самая настоящая должность была при попкахъ,

Іер. А! скажи на милость! — Ты человекъ тоже бывалый. Повѣдай, сыне, есть еще нищія въ потѣшныхъ хоромахъ?

Ком. Кто ихъ знаетъ, кажись, есть.

Іер. Зѣло меня манитъ пройти туда во дворцовые нищія. Тамъ мой шуринъ жилъ, — и, Господи! На бараньемъ тюфякѣ спалъ, въ шапкѣ съ бобровымъ пухомъ ходилъ. Царь рублями жалуетъ. Какъ въ раю живутъ на лонѣ царскомъ.

Ком. Такъ вѣдь не возьмутъ, — долженъ же ты что-нибудь умѣть. Ты про градъ Ерусалимъ-то рассказать можешь?

Іер. Я могу, я все могу, только бы мнѣ въ нищіе попасть, косточки свои старыя въ теплѣ попокоить. А то, въ студеную-то пору, боюсь, замерзну, аки песь смердящій.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же и Малецъ вбѣгаетъ изъ правой двери.

Потомъ Козлиха и Марфуша.

Мал. Гдѣ хозяйка-то? Тетка Бозлиха пріѣхала.

Мяз. Ишь вѣдьма!.. Чего жъ ты испугался?

Мал. Да вѣдь чуть не довернешься, она подзатыльникъ.

Мар. (отворяя дверь). Пожалуй, тетушка, не ждала, не гадала тебя видѣть.

Мяз. А — а! невѣста дорогая! Какъ жиръ нагуливаешь?

Коз. Молчи ты, куча! Ишь, съ утра съ кошемъ знакомство свелъ.

Мяз. На радости, что тебя увидѣлъ!.. Вотъ пью, да горько. Поделасти — поцѣлуй...

Коз. Ну те въ болото! Я по дѣлу, Марфуша.

Мар. Сказывай, тетушка.

Коз. (малыцу). Ты что? Не можешь старухѣ квасу принести? (Малецъ скрывается.)

Коз. Къ тебѣ опять насчетъ Ульки.

Мар. Алъ опять что пропало по хозяйству?

Коз. Типунъ тебѣ! Ничего не пропало, а силъ моихъ нѣтъ. Поѣдомъ она меня съѣла, какъ злая змѣя подколодная...

Мар. Да кто?

Коз. Кто? Антонидка! Кому еще быть!..

Мар. Антонида Авдѣвна? Да что ты, — она какъ голубица кроткая.

Коз. Змѣя подколодная! Все точить, все меня точить. И все смѣшкомъ, все смѣшкомъ. Дѣвки смѣяться кругомъ стали. Старуха-то ужъ ни во что не входитъ... А самъ-то свѣтъ-Всеволодъ совсѣмъ обадѣлъ. Ходить, какъ юрливый, на стѣнку блюда гвоздями прибиваетъ, да приговариваетъ: такъ, говорить, завсегда голландцевъ и нѣмцевъ. Стыдобушка на весь міръ. Цырульникъ бороду ему брѣшетъ, Тимошѣ нѣмецъ Шне уроки даетъ. А она-то, со-рока, надъ ними потѣшается. Съ голубятнѣ въ трубу на Замоскворѣчье смотреть, весь день съ бѣдильницами, да суремницами возится.

Мар. А красива она, что говорить!

Коз. Чего красива. Ничего нѣтъ красиваго! Сухопара. Нашъ-то на нее зарится: извѣстно, на тридцать годовъ разницы, старичку-то и любю. И такъ она меня доѣхала, такъ доѣхала, что силъ моихъ больше нѣтъ. И все съ издѣвкой надо мной. А Тимошка — то, дуракъ нашъ, вскромленникъ-отъ мой, тотъ съ нея глазъ неспущаетъ. Обошла она ихъ всѣхъ, — ржетъ-блѣдный день, ровно на овесъ matka! А всѣ-то за ней хороводомъ: то-то красавица, то-то разумница.

Мал. (вноситъ квасъ).

Коз. Зови сейчасъ Ульку, скажи, чтобъ какъ листъ передъ травой,

Мал. (скрывается).

Коз. Живеть цыганъ возлѣ насъ, такъ жена его по рукѣ гадасть, — а насчетъ ворожбы плоха... Улька-то дошла... Она все у тебя стряпухой?

Мар. На черной половинѣ. А только она не гадасть теперь совсѣмъ...

Коз. Я заставлю, — для меня будетъ. Я вѣдь заплачу...

Мяз. Эй ты, невѣста! иди сюда, я те на бобахъ гадать буду...

Коз. Молчи ты — юродливый!

Мяз. Я те такъ нагадаю... Хочешь?.. Вотъ буду въ чарку смотрѣть, и все увижу. Вотъ смотрю и на донышкѣ все вижу. Будетъ у тебя къ осени водзырь...

Коз. Молчи, Мяздра, право мяздра: ишь ты — все выгѣзло на головѣ-то...

Мяз. За правду Богъ лицо прибавляетъ.

Коз. Не за пьянство ли?

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Ульна заспанная, засаленная.

Ульна. Чего еще?

Коз. Иди сюда, небось.

Ульна. Ну?

Коз. Не узнала?

Ульна. Ну, здравствуй.

Коз. Ворожить прѣхала.

Ульна. Ну те къ Богу, — не стану.

Коз. Коли ежели я хочу?..

Ульна. Не... Нонѣ вотъ что за ворожбу нашей сестрѣ бываетъ, — не прежнее время. Ежели жабу или грыжу заговорить съ молитвой, — такъ это можно. Да и то медвѣжья ногтя у меня нѣтъ, да и стрѣлку громовую тоже стацили...

Коз. А ежели я... Ты этого даже и почувствовать не можешь, ежели я тебѣ полтину дамъ, коли ты мнѣ все дѣло обдѣлаешь?

Ульна. О! полтину...

Коз. Только устрой ты мнѣ важное дѣло... (Понизивъ голосъ до шопота.) Мнѣ надо насчетъ боярыни... Чтобъ такъ все повернуть, такъ повернуть, чтобъ я первая въ домѣ была...

Ульна. Ишь, тоже захотѣла!.. Кабы я знала, какъ тѣ дѣлать, такъ и я бы первая во всемѣ околотѣ была...

Коз. Улька!.. не знаешь ты меня. У меня кровь когда загорится — удержу нѣтъ...

Ульна. Да что-же ты — двуязычная что-ли?

Коз. Слушай, ты, стряпка! Вотъ я что тебѣ сдѣлаю. Я тебѣ старый опашень дамъ —

да деньгами рушь дамъ! Вотъ какъ! чувствуй ты это, чувствуй!

Ком. А и накрала жъ ты, тетенька, боярскаго добра!

Коз. Молчи — туда же, смердь!

Ульна. Ну, пойдемъ въ подклѣтъ, — тамъ посмотримъ! Только воротъ мнѣ отъ рубашки твоей надо, да соли, да мыла...

Коз. Ну, идемъ (Встаетъ и идетъ къ двери.)

Мяз. Эй, еще кувшинъ, малецъ! Такъ, Генрыкъ Иванычъ?

Коз. (въ дверяхъ). Пропицы!

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Козлиха съ Улькой ушли въ среднюю дверь. Справа быстро входитъ Минита.

Мин. Спать Митрій Ивановъ? (Тихо Мар-оуши.) Ну, слушай. Вечеру такъ, еще до мѣсяца, я къ тебѣ черезъ заборъ. — Шарикъ-то вашъ узналъ меня, хвостомъ, подлецъ, моетъ. Выйдешь? (Охватываетъ ее.)

Мар. Ну тебя! еще увидать...

Мин. Не увидать!.. Ишь они присосались къ кувшинамъ-то... Ну, такъ до ночи, лапушка?

Мар. Какъ-же, — такъ вотъ сейчасъ и вышла.

Мин. Съ проулка черезъ заборъ-то лѣзть, или черезъ пустырекъ?

Мар. Извѣстно, черезъ пустырекъ...

Мин. Ну, прощай!

Мар. (удерживая). Слушай, Минитка, ты знаешь тетку Козлиху?

Мин. Еще бы не знать — вѣдьма завѣдомая.

Мар. Сейчасъ пришла ворожить: что-то она противъ боярыни... Я отъ Ульки своей все узнаю. Коли что, я сейчасъ тебѣ... Чтобъ бояринъ-то твой зналъ тоже...

Мин. Ладно... Ну, мнѣ еще за Неглинную скакать. (Чмокаетъ).

Ком. Однако ловко! За такія дѣла мужья о печку изъ жены пылъ выколачиваютъ.

Мин. (взявши съ собою за воротъ). Ежели ты одно слово, такъ я тебя...

Ком. Да я ничего.

Мин. Получай алтынъ, держи полу.

Ком. Вотъ это такъ. Насчетъ чужихъ женъ у своего боярина видать, что въ ученьѣ былъ.

Мин. (Мароуши). Такъ черезъ пустырь, да? (Уходитъ).

Гар. (вдругъ начинаетъ хохотать, показывая пальцемъ на Мяздру).

Мяз. Что ты?

Гар. Фо... наръ... горить... Фонарь... (Весь трясется отъ хохота).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

Въ хоромахъ Коптева. Полъ вымощенъ дубомъ и расписанъ шахматами подъ мраморъ; на стѣнахъ набиты кожаня тисненя заморскія обои. Слѣда въ окнѣхъ расписная. Печи сырчатя — въ видѣ сыра, крупяя, на ножкахъ, съ колонками и серебряными городками на верху. Потолокъ сводчатый; на немъ изображено голубое небо, мѣсяцъ и звѣзды. Завѣсы у оконъ атласныя, опушенныя бархатомъ, на кофлакладъ. Зеркала убраны красною тафтой на шнурахъ. Шкапы, полки книжныя, кѣнты, ящики, погребцы расписаны золотомъ, черленю, венецейской ярью и баканомъ. Рѣзнаго и столярнаго дѣла стулья и кресла. Серебряныя шенданы для свѣчей съ фишурами. Шенданы стоячіе и стѣнные, нѣмѣе съ птицей позолоченной, что сама себя пѣтъ. Слѣдующіе фонари съ потолка. Налѣво прямо двери, направо окна.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Петрушка сидитъ у дверей, въ срединѣ. Въ щель просовывается голова Щелкуна.

Щел. Петрушенька!

Пет. Щелкуна, здравствуй.

Щел. Можно?

Пет. Входи.

Щел. (войдя). Ну, какъ сегодня — въ духѣ?

Пет. Ништо себѣ!

Щел. И-ихъ, грѣхи. Будетъ у меня сегодня чесаться въ затылкѣ. То-есть такъ меня бояринъ позолотить — въ лучшемъ видѣ.

Пет. Это насчетъ чего же?

Щел. Петрушенька, вѣдома тебѣ моя должность проклятая! Чуть гдѣ завелась какая новостъ на Москвѣ, — и сейчасъ я должонъ боярину доклады дѣлать. Потому какъ кто изъ за моря что себѣ получить, Всеволоду Тимоѣевичу безпремѣнно надо черезъ Нѣмецкую слободу получить точъ-въ-точъ такую же нитку, а ежели сіе возможно, то и болѣе превосходную. И ежели, особливо, что боярину не понравится, такъ-таки лѣстницу пересчитаешь. Петрушенька, ты только вспомни: Артамоновъ получалъ кровать иноземную, — боярину обидно показалось, всѣ ступеньки тогда я пересчиталъ. Волковской выписалъ трубы игральныя, — Всеволодъ Тимоѣичъ въ тѣ поры собственноручно удостоилъ меня заушенія. У Голицына обои тисненныя кожаня получились, — такъ чуть меня на конюшню не послали...

Пет. А что жъ нынче-то? ..

Щел. О-охъ, — не поминай... Нудно, зѣло нудно... Ну, да ужъ бѣды и не избыть...

Пет. Что же, и то сказать, — васъ бьютъ, васъ и милуютъ. Небось, давно-ли на кафтанъ сукна — то тебѣ подарили, а намедни опять на сапоги деньги выдали. Вѣдь ты въ годъ-то сколько перетаскаешь?

Щел. Это что говорить, — за каждое побитіе жалуютъ. И вѣдь такъ, чтобы настоящаго поврежденія, никогда и не было. А привыкнуть, — вотъ поди жъ ты, — все не могу. Какъ вотъ чувствую, что произойдетъ это самое, — такъ по спинѣ точно этакъ ходить что...

Пет. Мурахи. (Поводя плечомъ.) Мурахи! Это точно. Въ такомъ разѣ всегда мурахи ходятъ. Нѣтъ, а сегодня нѣтъ ничего, веселый. Всталъ и такъ прямо, въ чемъ былъ въ постелѣ, пошелъ на прудъ, искупался, потомъ квасу испилъ, съ старой боярыней маленько поругался, но такъ, знаешь, не то чтобы какъ-нибудь, а между прочимъ, — а теперь нѣмецкія книги съ нѣмцемъ разставляются. Нѣмецъ сердится, что онъ все кверху ногами ставитъ, а боярину любо-смѣется.

Щел. На что жъ ему книги-то, вѣдь и по нашему по складамъ читаетъ?

Пет. Для Тимоѣева Всеволодовича выписалъ. Онъ, говоритъ, у меня будетъ умникъ-разумникъ, все будетъ читать.

Щел. Много онъ тоже начитаетъ. Въ головѣ — то у него только дѣвки сѣбныя, да борзжы.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

За дверью говоръ. Слѣва показываются Коптевъ и Шнелле; Петрушка и Щелкунъ кланяются.

Коп. Какой же ты, Карлъ Адамычъ, нѣмецъ, ежели ты нѣмецкихъ книгъ читать не умѣешь?

Шн. Я аглицки не могу шитать! Я aus Гамбургъ и могу понимать титулъ книжки, фамилія шитать, — но словъ я не знай и не понимаю. Латински буквы я питаю аглицки и вижу, что то трагеди Julius Caesar, и сошпалъ агличанинъ. И-да!

Коп. Ты должонъ все знать, а не токмо что по нѣмцки... И должонъ же мой Тимошка всѣ языки произойти.

Шн. И ну, — я вамъ доставилъ агличанинъ, и онъ будетъ Тимошъ ушитъ аглицки.

Коп. Хорошій агличанинъ?

Шн. Хорошъ. Ушеный. Онъ тоже въ Нѣмецкой слабодъ квартирѣ нѣтъ. Ушеный.

Коп. Вали, пусть приходитъ. Пусть Болтевъ на всѣхъ языкахъ говоритъ. Безъ толмача чтобы ежели въ посольство...

Шн. О, если только Тимошъ будетъ ушитъ, — у него мало тутъ... (Стучитъ себя по

юловъ). А то языкъ знать большой преферансъ...

Коп. Какъ ты говоришь?

Шн. Преферансъ... предпозитаніе...

Коп. А-а, хорошее слово... Пере... ферансъ...

Шн. И ну, я иду Тимошъ на урокъ...

Коп. *(хлопаетъ ею по плечу)*. Учи сына, учи! *(Шнелле уходитъ)*.

Коп. *(опускаясь въ кресло)*. Ну, ты, чернильный орѣхъ, пойдѣ сюда.

Щел. О, Господи! Какъ почивалъ милости-венъ? *(Чмокаетъ въ плечико)*.

Коп. Хорошо спалъ и видѣлъ во снѣ корыто...

Щел. Что жъ, благодѣтель, корыто это хорошо?

Коп. Ты думаешь?... Ну, и быдто въ корытѣ все лежить мясо, и быдто я его ѣмъ. И тутъ же жураелъ... И быдто у меня двѣ головы: одна ѣсть, а другая не ѣсть...

Щел. Что же, чудесный сонъ, благодѣтель.

Коп. А разъяснить его ты мнѣ можешь?

Щел. Не угадчикъ я, батюшка...

Коп. У маменьки спросить надоть. Она чудесно это все дѣло насквозь понимаетъ.

Щел. Это точно: боярыня досконально это знаютъ...

Коп. Ну, а теперь говори, что у тебя за новость?

Щел. Да такъ, мелочишки, благодѣтель... Князю Голицыну часишки прислали.

Коп. *(прислушиваясь)*. Какія часишки?

Щел. Такъ, боевые... Самые неказистые, ходовые... И на часахъ образинка сдѣлана, и съ мигаломъ.

Коп. *(безпокойно)*. Съ мигаломъ? Съ каинъ мигаломъ?

Щел. А глазищами образинка поводить... Разъ, разъ, разъ... *(Щелкистъ въ тактъ языкомъ и ворочаетъ, то въ ту, то въ другую сторону, глазами)*. Образинка маленькая, ровно бы дитячья.

Коп. *(послѣ паузы)*. Еще что?

Щел. Еще птицу привезли во дворъ Государевъ, и называется эта птица Сиринъ.

Коп. Не слыжалъ.

Щел. И собрали свѣдущихъ людей съ Охотнаго ряда, чтобы цѣнность ея опредѣлить. И ни одинъ свѣдующій человекъ цѣны ея не знаетъ, ибо никогда не выдывана она у насъ. Но на видъ, какъ бы райская...

Коп. Все это пустяки и вздоръ: и часы съ мигаломъ, и птица райская. А вотъ сегодня я получу свою выписку, — такъ это точно... Языки проглотятъ.

Щел. Благодѣтель! Что такое?

Коп. Венецейскій хрусталь и фарфоръ. Слыжалъ? Первый въ мірѣ. Ни у кого не будетъ, а у меня будетъ. Въ царскомъ обиходѣ такого нѣтъ. Такъ что же мнѣ послѣ всего этого твоя образинка съ мигаломъ?

Щел. Это точно, благодѣтель, — ужъ и пушу же я теперь говора по всей Москвѣ. И, Господи, — что звона будетъ!

Коп. Пусти! это я позволяю. Пусти! — Артамоновъ-то, я думаю, Артамоновъ! ротъ разинетъ!

Щел. Разинетъ, благодѣтель, разинетъ! Бюжъ это вамъ доставить?

Коп. Юренекъ. Онъ и доставить. Да. Прямо изъ Венеціи! Ты только сообрази и подумай. Обѣдъ всѣмъ задамъ на новомъ приборѣ... А!.. Каково?.. Совсѣмъ на иноземный ладъ. *(Къ Петрушкѣ)*. Только, Петрушка, — ты такъ всѣмъ челядинцамъ и объяви. Ежели хоть одно блюдо, хоть не токмо что разбито, а ежели трещинка въ женскій волосокъ въ толщю, — такъ я на конюшню отправлю, да такъ-то...

Пет. Не изволь безпокоиться, соблюдаемъ!

Коп. Такъ и скажи. Потому, чтобы все иноземное было. И пуще глазу чтобы...

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же, слѣва Афросинья Егупьевна.

Аф. Ег. Опять иноземное? А вотъ я тебѣ такую новость принесла, такую новость, что можеть тутъ тебя пробереть.

Коп. Ну-съ, слушаю. Изволь сказывать!

Щел. Ручку, боярыня, холопу твоему дозволь обლობызать.

Аф. Ег. *(суетъ ему руку и садится въ кресло)*. За умъ взялись, наконецъ, учить стали такихъ какъ ты!

Коп. Что-жъ, ученъе свѣтъ, неученье тьма!

Аф. Ег. *(торжественно)*. Патріархъ заявилъ вчера, что ежели кто изъ бояръ съ бритую бородой подойдетъ ко кресту, то благословенія и крестнаго цѣлованія дадено ему не будетъ.

Коп. *(спокойно)*. Не можеть тогобыть. Вонъ у нѣмцевъ ихъ пошъ и вовсе бритый, а у католиковъ и плѣшь даже выбрита.

Аф. Ег. Такъ то нѣмцы!

Коп. Такъ чтожъ, что нѣмцы, маменька. Богъ-то одинъ.

Аф. Ег. Да что ты суесловишь-то? Вѣдь тебя за это на «поновленіе» нельзя допустить.

Коп. Поновленіе когда еще! Еще въ великомъ посту говѣть-то будешь. А на счетъ патріарха — я въ сомнѣніи. Что мнѣ борода! Только подливка во время ѣды по ней течетъ, а удовольствія никакого.

Аф. Ег. Да ты приди въ соборъ, посмотри какъ лики-то святыхъ отецъ намалеваны — нѣшто есть бритые!..

Коп. Маменька! Да гдѣ жъ намъ до святыхъ отцовъ! Вонъ ты съ утра брыкаешься да пилишь меня.

Аф. Ег. Нельзя не пилить, коли ты вовсе отъ закона отступилъ и весь домъ распустилъ.

Коп. Домъ распустилъ? Что это ровно бы я не замѣчалъ. Петрунька! У насъ распущена дворянъ?

Петр. Нѣтъ, бояринъ, у насъ всѣ въ страхъ Божию... какъ возможно...

Коп. А вотъ маменька — боярыня изволятъ жаловаться.

Аф. Ег. Петрунька, пошелъ вонъ! Терпѣть не могу, когда холопья кровь тутъ стоятъ у дверей, да ушами на боярскіе разговоры хлопаютъ. *(Петрушка ныряетъ въ дверь.)*

Аф. Ег. Твой отецъ покойный читалъ, небось, мнѣ уставъ, какъ жить. Прямо такъ и указано: «Аще-ли добрый мужъ о своемъ спасеніи радить, и жену и чадъ своихъ наказуетъ, и домохадцевъ»...

Коп. Что же мнѣ, Антонидушку-то плетью бить, что-ли? Такъ ужъ это, извините, нигдѣ того въ образованныхъ странахъ не дѣлается. Или Тимошѣ мнѣ ребра по Домострою сокрушать? За что? За то, что вы-же его вареньемъ наемни обкормили? А что на счетъ поученія слугамъ, — такъ слава Тебѣ, Господи...

Аф. Ег. Ты о душѣ-то своей позаботься. Вѣдь господинъ за рабовъ своихъ на томъ свѣтѣ отвѣтитъ. Ежели они провинились въ чемъ — въ отвѣтъ ты...

Коп. Докладываю же, маменька, что сѣкутъ у меня слугъ ежедневно, и потому ответственности за нихъ на душу я не возьму. Попробуй я лозою поучить Тимошу... вы же первая Содомъ и Гоморру подымаете...

Щел. А въ Домостроѣ такъ прямо и говорится: «не ослабляй бѣи младенца, — не умереть, но здоровѣе будетъ... Учащай ему раны, да послѣди о немъ — возвеселишися... И не даждь ему власти во юности, но сокруши ему ребра»...

Аф. Ег. Помолчи, Щелкушка! — Это Иродъ только сокрушалъ младенцамъ ребра-то...

Коп. Я, маменька, такъ понимаю, что довольно мы косили и были татарами, и слѣдуетъ намъ быть не Азіей, а Европой. Для этого даже я и глобусъ выписалъ, и всю землю мы съ тобой ежечасно можемъ созерцать — въ видѣ какъ бы арбуза или дыни...

Аф. Ег. Опомни тебя, али что?

Коп. Даже и опоенію никакому не вѣрю, желаю жить въ вольномъ духѣ и старинѣ не предаваться. Намедни аптекарь, Василій Васильевичъ Штокманъ, прямо говорилъ, что никакихъ такихъ опоеній не существуетъ, а есть только предразсудки. Ты, маменька, человекъ старый, а понятія у тебя свѣжаго быть не можетъ. Я теперь такихъ иноземныхъ словъ наизнавалъ, что ежели начну говорить, — ты только моргать будешь, а понятія у тебя никакого не будетъ.

Аф. Ег. Старый ты ужъ человекъ, а все на ущербѣ. Коли даже нѣтъ у тебя почтенія къ родительницѣ, что же ты послѣ этого.

Коп. Насчетъ родительскихъ чувствъ ты,

маменька, оставь, мнѣ, слава тѣ, Господи, пять-десять годовъ, и пора ужъ мнѣ по собственному разумѣнію.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Изъ средней двери Антонида Авдѣевна, цѣлующая двадцатипрелѣтняя женщина, съ ямочками на щекахъ и заборными изломомъ соболинныхъ бровей.

Коп. А! вотъ оно — солнце красное! Вошла — комнату освѣтила. Иди сюда, яблочко мое наливное, свѣтъ мой... *(Она весело подходитъ къ мужу и прямо садится къ нему на колѣни.)*

Ант. Здравствуй, Валька! Здравствуй, старый!

Аф. Ег. Ахъ, ахъ! Ахъ, срамница! Да какъ же это можно! При людяхъ, да на колѣни къ мужу! Пошла прочь, пошла!

Ант. А зачѣмъ я пойду? Мнѣ и здѣсь ловко.

Коп. Сиди, красотушечка, сиди. У законнаго мужа сидишь на колѣняхъ, а не у полюбовника какаго.

Аф. Ег. Да нельзя этого! Нельзя при людяхъ. Не опочивальня здѣсь, и не свѣтлый праздникъ, чтобъ цѣловаться...

Ант. А вотъ Юренинъ говорить, что въ Италіи итальянки съ голыми плечами даже по улицамъ ходятъ... Валька, ты сдѣлаешь мнѣ такое платье? Я въ немъ у тебя принимать гостей буду...

Коп. А что жъ не сдѣлать. Добро бы худыя у тебя плечи были, а то, слава Богу, — показать не стыдно...

Аф. Ег. *(поднимаясь съ кресла).* Ну, вотъ что я вамъ скажу, ежели это все такъ продолжится, вотъ, какъ передъ Истиннымъ, въ монастырь уйду. Уйду, куплю себѣ келью, и чтобъ очи мои не видѣли срамоты и позора...

Ант. Погоди, Валушка, погоди цыпочка, у тебя усикъ завернулся, дай поправлю и разглажу. Вотъ такъ. Отчего ты не закручиваешь ихъ, кончики-то самые?.. Не такой ты былъ бы старый!

Аф. Ег. Да что ты все старый, да старый! Чтожъ я-то по твоему: баба-яга безсмертная? Онъ мужъ по всѣмъ статьямъ настоящій.

Ант. Да я люблю его, глупаго! *(Обвиваетъ рукой шею мужа.)* Я страсть его люблю, и главное за то, что тѣрема онъ не держитъ, волю полную мнѣ даетъ, и все-то для меня, что я захочу, дѣлаетъ. Ты все для меня сдѣлаешь, сдѣннѣй, все?..

Аф. Ег. Э-эхъ, чтобы рѣ прежнее время съ такой бабенкой сдѣлали! Посадили бы на мѣсяцъ на хлѣбъ на воду...

Коп. Ну, и пушай другіе сажаютъ. Пушай, — а намъ то не указъ; мы станемъ съ ней жить, какъ въ Европѣ живутъ. Ты, маменька, не чувствуешь, что такое Европа?

Аф. Ег. Бу... ропа. Это что же за слово?
Коп. Щелкунъ! подай сюда глобусъ! Нидуш-
ка, покажи маменькѣ—гдѣ Еуропа.

Ант. Вотъ Еуропа, маменька.

Аф. Ег. Это что же такое?

Коп. Все нѣмецкое образованіе, маменька, тутъ въ сосредоточіи. Все нѣмцы живутъ. А тутъ, маменька, Африкѣ—гдѣ живетъ ефіопъ.

Аф. Ег. И точно, глупый ты, глупый! Все-
му-то ты вѣришь. Потому тебѣ, по твоему
умственному умаленію, непонятно, что нѣмецъ
тебя морочить...

(За сценой шумъ и топотъ.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же, Шнелле и Тимоша.

Ант. Ужъ не пожаръ ли,—храни Богъ!

Шн. (въ волненіи). Я буду жалиться! Я!
Буду жалиться, что вы дерзаетъ. И я перено-
сить это не могу, и у меня перепонка лопнетъ...

Тим. Херъ Шнелле, ихъ виръ нихъ заге!

Шн. Н-но,—«нихъ заге!»—Ви третій день
нишего не ушить, гоняетъ зобахъ и кошка. Я
буду жалиться!

Коп. Тимошей! Ты что? Я тебя въ послы го-
товлю! А ты, а ты,—ахъ, ты! Какъ же ты
можешь,—вѣдь учитель твой, наставникъ,—все
равно, какъ бы отецъ.

Тим. Батенька, жарко очень. Помилуй, ка-
кое-жъ ученіе, когда я, можно сказать, мокрый
насквозь,—ровно меня въ пруду бабы выполо-
скали. Зимой—другое дѣло. А что же теперь—
собака и та въ тѣни лежитъ, а не прыгаетъ...
Мнѣ ничего въ голову не лѣзетъ... А вотъ Карлъ
Адамычъ говоритъ: asinus, stultus... Обидно
тоже...

Коп. Это точно что жарко! такъ бы вотъ
изъ пруда и не выгѣзъ.

Шн. Но мнѣ, какъ шестинный шловѣкъ, стыд-
но брать денегъ за урокъ, когда такъ лѣнивы...

Коп. Чего стыдиться, деньги брать никогда
не стыдно.

Шн. Ну! и ежели такъ ему жарко—мы ус-
троимъ каникулъ!

Тим. Это какой еще такой каникулъ?

Шн. Это—мы мѣсяцъ не будемъ занимать-
ся, если Vater позволить.

Тим. Позволь, батя, на колѣнки стану! Ба-
бушка, на колѣнки стану—проси батю!

Коп. Ну, пуцай его побалуется, пуцай! Ты
какъ, Нидушка, думаешь?

Ант. Да пуцай, только вѣдь онъ весь день
съ дѣвками въ дѣвичей сидѣть будетъ...

Коп. Тимошей, ты зачѣмъ тамъ сидишь?

Тим. Я, батя, ей-ей... Я кружево плести
ужью...

Коп. Знаю я это кружево,—по нашему оно
иначе называется. Гуляй, гуляй, а вихры бе-
реги.

Аф. Ег. (глядя Тимошу по головѣ). Кра-
савчикъ!—весь въ дѣдушку.

Коп. Нѣшто у дѣдушки его такое глупое ли-
цо было? Дѣдъ-то былъ складнѣе куда.

Шн. Н-ну,—тогда каникулъ! И я пойду на
Слобода.

Коп. Постой, камрадъ. Экзаменъ сейчасъ мы
учинимъ Тимошѣ.

Тим. Ей-ей, батенька, жарко...

Коп. Тимошей! бери глобусъ — рассказывай
бабкѣ, что такое Еуропа.

Тим. Еуропа? Да это и безъ глобуса расска-
зать можно, мы учили. Ее на коровѣ Юпитеръ
увезъ.

Ант. Какъ на коровѣ?

Тим. Ей-ей. Такъ ее и на изображеніяхъ
изображаютъ. Корова---и она на коровѣ въ чей
матъ родила... А Юпитеръ — вѣдь это богъ
былъ...

Аф. Ег. Ну, доучили ребенка. До какихъ мер-
зостей договорились...

Коп. Что-жъ это, херръ камрадъ?

Шн. Nein, это вѣрно,—это все вѣрно... Еу-
ропа на коровѣ, это—митоологи... да!..

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же, Петруша, потомъ Юренивъ изъ сред-
нихъ дверей.

Петр. Бояринъ, тамъ ящикъ привезли замор-
скій, и Юренивъ съ нимъ.

Коп. А-а! прибыли... Проси сюда гостя до-
рогого!

Аф. Ег. Пойдемъ, Антонидушка, не пригоже.

Ант. Нѣтъ, маменька, ужъ зачѣмъ же: мнѣ
венецейскій-то приборъ куда занятнѣе, чѣмъ не-
редъ зеркаломъ въ свѣтлицѣ сидѣть.

Коп. Останься, Антонидушка, останься. Чего
прятаться. Нехорошо...

Юр. (входитъ.)

Коп. (обнимая его). Ну, спасибо, спасибо!
самъ привезъ,—уважилъ сродственниковъ!..

Юр. Синьора кара! (Подаетъ руку Анто-
нидѣ.)

Аф. Ег. Оставь руку, оставь! не смѣй тро-
гать!

Ант. Чтожъ, вѣдь не сахарная, не растаю!

Юр. Въ Италиі это—итальянскій обычай.

Аф. Ег. Уйду, смотрѣть не хочу; Тимоша,
пойдемъ отсюда. Хотя бы умереть загодя, чтобы
глаза не выдали... (Уходитъ съ Тимошей,
сердито хлопнувъ дверью.)

Коп. Ну, и съ Богомъ! Борисъ Петровичъ—
отвѣдай меду... у насъ онъ на столѣ безсѣмь-
но стоитъ. Угощай, женка...

Ант. Покушай, сеньйоръ. Можетъ венецейки
лучше ужьютъ подчивать?

Юр. Не знаю, можетъ и лучше, не замѣтилъ.

Коп. Ну, выпьемъ, сродственниковъ. Пригубь,
Антонидушка.

Ант. Отчего не пригубить? Я хоть всю стопку опорожню.

Коп. О-о! жена - то моя какая? Еуропа со-
всѣмъ.

Юр. Да, могу сказать, что въ удивленіе я
приведенъ большое. Положимъ, что и до отъѣзда
моего все это еще какъ бы начиналось, одна-
ко далеко не то...

Коп. Другъ ты мой, камрадъ, — или какъ это
по-итальянски?

Юр. Amico!

Коп. Ну, амика. Слушай, ѣздишь ты, пови-
далъ всего, жилъ въ городѣ, гдѣ не ходятъ, не
ѣздить, а только плаваютъ. Былъ у дука, все
видѣлъ. Научи ты меня, чтобы, ну, совсѣмъ по-
итальянски все у меня было. Чтобы такъ и ѣсть,
и пить, и гулять, и все прочее. Казна есть у
меня — ну, что надо? И чтобы жена у меня, по-
нимаешь, чтобы совсѣмъ она была какъ бы на
свободѣ...

Юр. Что же, можно!

Коп. Ну, вотъ я гостей хочу собрать; и чтобы
это было такъ вродѣ машкерада венецейскаго,
какъ ты рассказывалъ...

Юр. Зачѣмъ машкерадъ? — никто изъ моск-
вичей не пойдетъ; а такъ танцы устроить...
Опять же танцовать никто не умѣетъ.

Коп. Сына нѣмецъ учить, — жену тоже въ
ученье отдашь...

Ант. Чего жъ мнѣ одной-то плясуньей быть —
учись и ты, старый.

Коп. А нѣшто — такіе, какъ я, танцуютъ въ
Венеціи?

Юр. Въ Венеціи не знаю, а вотъ во Флорен-
ціи точно, былъ это я на танцахъ, — такъ ста-
рички сидѣли по стѣнкамъ, больше въ шахма-
ты играли, да курили, да пили. А танцовали
все молодые... Эхъ, еслибъ одѣтъ Антонида Ав-
дѣвну по ихнему — просто взглянуть, да уме-
реть...

Ант. А ну-ка, какъ это?

Юр. На головѣ ничего, а тутъ — по плечамъ
и ниже — оголеніе.

Коп. При людяхъ?

Юр. Такъ-таки при людяхъ. На потѣшномъ
дворѣ человѣкъ, чай, четыреста было — всю
ночь напролетъ всѣ князья танцовали, — какъ
есть въ самое Крещенье. Въ саду-то фонтаны
бьютъ...

Коп. Чего ты врешь, — о Крещеньѣ да фон-
таны?..

Юр. Да тамъ тепло, какъ у насъ теперь
подъ Успенье.

Ант. Умрешь, ничего такого не увидишь.

Юр. И теперь эти сеньоры, флоренки, съ
важными князьями подъ ручку въ темныхъ са-
дахъ по дорожкамъ разгуливаются, и ничего.
Сама флоренская княгиня взяла какого-то изъ
гостей подъ руку — и закатилась на прудки
куда-то...

Коп. Ну, а князь-то самъ какъ же флорен-
скій-то?

Юр. А князь такъ это спокойно, сейчасъ
другую флоренку подъ руку, и въ другую сто-
рону.

Коп. Ахъ, черти!

Юр. И въ Венеціи тоже свободно. Какъ
только мѣсяцъ взойдетъ, такъ сейчасъ по ка-
навамъ гондолы — и все парами. Сидятъ вене-
цейки, опахальцами обмахиваются, да на цитръ
играютъ. Огоньки разноцвѣтные зажгутъ, съ
факельчиками ѣздить, въ бубны бьютъ, въ тру-
бы трубятъ, въ копакахъ дурацкихъ ходятъ.
Духами какими отъ женскаго пола пахнутъ!

Ант. А нюхаль-таки, Борисъ Петровичъ,
чѣмъ пахнетъ?

Юр. (нѣсколько сконфузясь). Изъ Азіи
идетъ все къ нимъ это, да изъ Индіи, благо-
уханіе-то...

Ант. Чтобы вотъ этого привезти? Небось и
бѣлилы и румяны куда лучше нашего тамъ.

Юр. Да и примазываются тамъ не въ при-
мѣръ лучше нашихъ

Коп. (смотря въ окно). И что это они
столько времени возятся? Вы калякайте здѣсь,
а я пойду, на нихъ цыкну, — а то они рады
сложу руки на все смотрѣть. Ты жену-то по-
итальянски научи, слышь! Ужъ такъ я тебѣ
буду благодаренъ, такъ благодаренъ... (Ухо-
дитъ).

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Антонида и Юренивъ.

(Молчаніе. Антонида смотритъ на него
исподлобья.)

Ант. Ишь ты, небось, тамъ, около этихъ
синьйоръ такъ व्यюномъ и вился?

Юр. Чего жъ мнѣ, на что онѣ! (Подса-
живается къ ней.)

Ант. Куда ты?.. Вѣдь отъ меня не пахнетъ
такъ, какъ отъ венецейки... Садись дальше...

Юр. А вотъ венецейки — тѣ близко сидятъ.

Ант. Ну, тамъ сидятъ ли, нѣтъ ли — кто
тамъ знаетъ, — можетъ, вранье одно... А коли
онѣ позволяютъ — и иди къ нимъ, а насъ
оставь... Пересядь говорить!

(Борисъ Петровичъ пересаживается на
прежнее мѣсто.)

Юр. Ишь, строгая какая стала, — а небось
передъ отъѣздомъ урывкомъ въ саду у твоего
бати...

Ант. Въ саду! Въ саду-то, небось, нѣтъ две-
рей — никто не войдетъ. А тутъ, на-ко, — двери
къ свекрови открыты, а онѣ лѣзетъ...

Юр. Ахъ, та-акъ!

Ант. Догадался.

(Молчаніе. Она, посмотрѣвъ на него, фыр-
каетъ.)

Юр. Чего ты?

Ант. Ничего. И какой, то-есть, ты тихень-
кій послѣ флорентокъ, да венецеекъ сталъ.

Юр. Язык-то у меня прилипъ сегодня къ
гортани...

Ант. Ты бы промочилъ его: меду-то не жал-
ко... (*Молчаніе.*) Ну, что жъ ты молчишь-
то,—а? Расскажи что-нибудь... сказку какую
ни на есть...

Юр. Сказку?... И то вотъ, сказка одна на
умъ миѣ пришла.

Ант. Ну-тка, ну-тка, расскажи, Борисушка.

Юр. Какъ разъ въ Флоренціи и рассказы-
вали ее,—толмачъ нашъ.

Ант. Ну-ну!

Юр. Жила была, будто бы, въ этой самой
Флоренціи одна мадонна.

Ант. Это кто жъ такая будетъ?

Юр. Это боярыня, что-ли. Ну, вотъ вродѣ,
какъ ты.

Ант. Ну, вродѣ какъ я—ладно.

Юр. И былъ у нея мужъ—старъ человекъ.

Ант. Вродѣ какъ мой муженекъ... Ну, инъ
дальше...

Юр. И увидѣла она въ церкви, что-ли, али
въ другомъ мѣстѣ,—одного изъ флорентцевъ—
младого да красиваго. Только они были не-
знакомы, и знакомится-то нельзя никакъ было.
Только узнала эта мадонна, что навѣщаетъ онъ
одного пустынника, который все его на путь
истинный наставляетъ... Вотъ приходитъ она
къ пустыннику и говоритъ:—«Отецъ святой,
срами мени молодой флорентецъ, ходитъ мимо
терема и все ручкой дѣлаетъ. Ну, вдругъ мужъ
увидитъ? И вѣдь время-то какое выбираетъ—
когда мужъ занятъ—рано утромъ».

Ант. Ишь-ты!

Юр. Очень пустынникъ удивился. «Такой»,
говоритъ, «тихий—и на что пошелъ. «Я», го-
воритъ, «ему покажу». Позвалъ его: «не хо-
рошо», говоритъ «что мимо оконъ мадонны хо-
дите, да еще когда мужъ не видитъ—по ут-
рамъ». Тотъ ничего не понимаетъ:—какая,
говоритъ, такая? А онъ говоритъ: «А вотъ,
что на такой-то площади живетъ».

Ант. Ловко!

Юр. Ну, на утро флорентецъ надѣлъ свои
куцые шароварики, шапкой съ перомъ на-
крылся,—пошелъ смотрѣть синьйору. Видитъ,—
писаная красавица... Такъ недѣлю цѣлую и хо-
дилъ... Онъ прохаживается, и она все къ нему
присматривается...

Ант. Ну, чего же сталъ?

Юр. Вотъ ѣдетъ она опять къ пустыннику:
«Отецъ святой, не даетъ онъ миѣ покоя,—и
на такое дѣло пустился, что бѣда. Узналъ онъ,
что вчера съ вечера мужъ мой на десять день
въ Ливорну уѣхалъ. Пробрался ночью въ садъ,—
а у насъ ограда низкая,—вѣзъ на дерево,
что у самаго моего окна,—а окно-то не за-
пирается,—да ко миѣ въ горницу и прыгни.

Хорошо, что я вскорѣ замѣтила, да палкой его
оттуда!...» Ну, ужъ тутъ пустынникъ разсер-
дился:—«Я», говоритъ, «сейчасъ же его». По-
звалъ флорентца и началъ его отчитывать. «Ты»,
говоритъ, «думаешь, что ежели мужъ уѣхалъ
на десять день, да ограда низкая, да оконъ не
запирають, да подъ окномъ дерево растеть,
такъ и можно лазить по чужимъ женамъ?»....

Ант. (*хохочетъ*). Что жъ, флорентецъ-то—
калялся?

Юр. Страсть плакалъ. Обѣщался никогда не
ходить... Еле вечера дождался,—да потомъ по
указанной дорогѣ и пошелъ...

Ант. Да! это такъ! Хорошая сказка. А толь-
ко вотъ у насъ въ приходѣ отецъ Василій
совсѣмъ на этого пустынника не похожъ.

Юр. Да я не къ тому!

Ант. Вотъ флорентка-то говорила, что про-
гнала его, а я ниче сонъ какой видѣла,—на
что хуже, чѣмъ то, что съ ней было. Пред-
ставь себѣ, Борисъ Петровичъ, вижу я—будто
ужъ совсѣмъ стемнѣло. А мой Всеволодъ Ти-
мофеевичъ, ты самъ знаешь, куриной слѣпо-
той страдаетъ. Какъ солнце сядетъ, онъ сей-
часъ въ кровать бултыхнется, и ужъ его и не
добудишься. А я всегда, какъ стемнѣетъ съ
своей дѣвкой Аксющкой по саду гуляю,—вѣдь
садъ-то у насъ большой такой. И вотъ будто бы
прыгъ ко миѣ черезъ тынъ добрый молодецъ...

Юр. Это въ какомъ же мѣстѣ?...

Ант. А возлѣ пруда. Тамъ, знаешь, совсѣмъ
колья распатаны. И все бурьяномъ поросло—
ничего не видать. Прыгнулъ онъ, будто, ко
миѣ—да за руки. То-есть, такая страсть, та-
кая!... Хочу кричать, голоса нѣтъ! А онъ...
Знаешь, что онъ сдѣлалъ?...

Юр. А ну-ка?

Ант. Какъ схватить меня, да и ну цѣло-
вать... Аксющка-то, подлая, хохочетъ:—«я»,
говоритъ, «посторожу, чтобъ, неровень часъ,
лихой человекъ не подвернулся». Проснулась
я: руки и ноги дрожать... Такая страсть, та-
кая страсть!...

Юр. (*встаетъ, подходитъ къ ней.*) Такъ-
таки прямо обнялъ да и поцѣловалъ?

Ант. Такъ-таки прямо...

Юр. Ишь ты озорникъ какой. (*Охвативъ
ее, собирается чмокнуть въ щеку, но она
уже смъ отъ него увертывается.*)

Ант. Да ты съ ума спятилъ! съ чего ты!

Юр. Небось, наяву-то и силы есть отбиваться.

Ант. Такъ вѣдь мы, Борисъ Петровичъ, въ
хоромахъ... Въ хоромахъ другое дѣло... Это
вѣдь не въ саду ночью... Въ тинотъ—ужъ
какая тутъ сила...

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

*Тѣ же и Коптевъ. За нимъ шесть человекъ
несутъ ящикъ, съади Щелкуня и Пегрушка.*

Коп. И тяжелъ же приборъ твой: еле шесть

человѣкъ втащили. Чего они тутъ наложили? Ишь ты, и ящикъ-то какой, — венецейскій!... Ставь сюда, ставь сюда! Осторожнѣй, осторожнѣй, — хрупкое стекло-то вѣдь... Ну, начинай отсюда гвоздочки отдирать. Скажи на милость, — дубовый ящикъ-то!... Позови боярыню, Афросинью Егупьевну. Ты, Щелкунъ, чего сталъ? Помогай, что-ли!... (*Петрушка уходитъ.*)

Юр. (*подходитъ.*) Легче, легче, съ молоткомъ-то. Ты ударишь, а тамъ хрустнетъ. Не торопись. Подсовывай подъ шляпку, и вытягивай. Клещами взялъ бы...

Щел. Ишь ты, ровно тамъ кладъ какой!...

Юр. Кубки-то внизу, самые дорогіе, а сверху-то что полегче: стеклушки разныя, да мелочишки.

Ант. Посмотримъ, какой вкусъ у Бориса Петровича. Я что-то плохо вѣрю...

Коп. А! не говори, — вкусъ у него хорошій! У него вкусъ все равно, что у меня...

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Слѣва Афросинья Егупьевна и Тимоша. Сзади Петрушка. Потомъ изъ середины Микита.

Афр. Егуп. (*мрачно.*) Чего еще? На какой еще срамъ смотрѣть зовешь?...

Коп. Срама нѣтъ никакого. А только, что сейчасъ увидишь, — того отродясь не видала. Этой ящикъ, маменька, цѣлаго угодыя стоитъ, — вотъ цѣна какова!

(*Афросинья Егупьевна опускается въ кресло.*)

Коп. Маменька! Вотъ разгадай сонъ мой: видѣлъ я будто... Нѣтъ, такъ сказать: что значить корыто видѣть и волчье мясо ѣсть и двѣ головы у себя имѣть?

Ант. Это у тебя-то двѣ головы, Всеволодушка?

Афр. Егуп. Поймай! Корыто видѣть — знакъ женитьбы...

Коп. То-есть, какъ-же, маменька, если я женатъ!

Афр. Егуп. А я почему знаю... Волчье мясо ѣсть — враговъ одолѣть...

Коп. Во-во! Вотъ это такъ!... Я этимъ приборомъ такъ Артамонова посрамлю, такъ посрамлю... Ну, а вотъ двѣ головы?

Афр. Егуп. А двѣ головы видѣть значить — исправность.

Коп. Какъ исправность, въ чемъ исправность?

Афр. Егуп. Говорятъ тебѣ исправность, — чего пристаешь?...

Юр. А вотъ и Антонида Авдѣвна сонъ сегодня видѣла.

(*Антонида вспыхиваетъ; средняя дверь распахивается; Микита высовывается изъ лаву.*)

Мик. (*истуканно*). Батюшка, Борисъ Петровичъ, требуютъ тебя на Верхъ, къ государю. Тамъ по венецейскому дѣлу за справочкой.

Юр. (*срывается съ мѣста*). Ёъ царь! Господи! Должно ищутъ по Москвѣ уже давно: прискакали сюда, изъ дома.

Коп. (*торопливо*). Поѣзжай, поѣзжай, царское дѣло, — нельзя. Аргамачекъ твой поотдохнуть, — живымъ духомъ доскачешь... Заѣдешь, что-ль, еще сегодня?

Юр. А ужъ не знаю удосужусь ли... (*Подходитъ къ Антонида.*) Можетъ, урвусь...

Афр. Егуп. А до руки не смѣй касаться! не смѣй!

Коп. Ну, торопись, торопись, родной, не мѣшай.

(*Въ моментъ ухода Юренева крышка съ ящика отскакиваетъ.*)

Щел. Охъ, и уюрились же мы съ нимъ, проклятымъ... до девятого пота...

Коп. (*прохаживаясь по юрницѣ и потирая руки*). Покажу я имъ, что значить венецейскій приборъ, — покажу!

Тим. Батя! да тутъ нога чья-то! (*Запускаетъ руку въ ящикъ.*)

Коп. (*въ изумленіи*). Что-о!... Какъ нога?

Тим. Ей-ей, батя, нога!...

Щел. Точно, благодѣтель, — тутъ чья-то ножка положена.

Тим. (*съ крикомъ*). Упокойникъ! (*Отскакиваетъ, трясясь, отъ ящика.*)

Афр. Егуп. Господи! да что же это!.. Чуръ! чуръ!...

Коп. Какъ упокойникъ, что врете?... (*Стоитъ и смотритъ издали, вытянувъ шею.*)

Щел. Такъ, благодѣтель! И ручку нашла... Холодно — ровно бы камень.

Афр. Егуп. Да бросьте вы эту нечисть... Съ нами крестная сила!

Коп. Нѣтъ, откапывайте, откапывайте!

(*Минута общаго напряженія.*)

Щел. Истуканъ, благодѣтель, это истуканъ!

Коп. Истуканъ!

(*Общій ужасъ.*)

Щел. Что жъ, пособляй, ребята.

(*Осторожно поднимаютъ изъ ящика огромную статую Меркурія — вродѣ знаменитой болонской статуи Джовани. Богъ изображенъ во время полета. На головѣ — крылатая шляпа, въ лѣвой рукѣ — кадуцей. Правая нога далеко отставлена позади.*)

(*Молчаніе.*)

Афр. Егуп. (*плонувъ*). Тыфу ты, мерзость какая!... Вотъ такъ приборъ!

Коп. (*разводя руками*). Ума не приложу, что такое...

Тим. * (*трясясь всѣмъ тѣломъ*). Упокойникъ!

Афр. Егуп. (*въ упоръ, подойдя къ сыну*).
Слушай, ты! Долго я терпѣла, но больше тер-
пѣть не буду. Ежели ты истукановъ завелъ
въ домъ, такъ я къ самому патриарху поѣду...
Вонъ! Сейчасъ его вонъ отсюда! Чего стали?
Тащите! Аксютка! Аксютка!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тъ же, Аксютна слѣва.

Афр. Егуп. Ладону роснаго сюда, да воды

крещенской! Живо! Чего жъ, вытаските вонъ
эту пакость... А ты! э, да что—и говорить
то я съ тобой не буду... Юродливый!... (*Ухо-
дитъ.*)

Коп. (*растопыря руки.*) Не правда-ли,
Антонида, сколь странное происшествіе!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

*Дворъ у Митрія Ивановича. Справа—задній фасадъ его дома, съ крылечкомъ. Налѣ-
во—открытый стѣновалъ. Между ними—заборъ, ворота, калитка. На первомъ пла-
нѣ справа—поиребъ, и за нимъ ходъ черезъ заборчикъ на черный дворъ. Налѣво, на
авансценѣ, столъ, скамьи и табуреты. За заборомъ—панорама Москвы. Кос-идѣ
изъ-за зелени—вѣтряная мельница. Вечеръ.*

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

*На снѣгъ спятъ Мяздра и Гаррингтонъ.
На крылечкѣ сидитъ съ балалайкой Ерошка
и Странникъ.*

Ер. Жила была бабица
На горѣ подъ дубомъ,—
Она пошла париться...

Іер. И что это ты все непотребное мурлы-
каешь? Про каку-таку бабицу?

Ер. Была такая!

Іер. Ну, и что же про нее поется-то?

Ер. Была она, старче, баба чинная.

Іер. Ну?

Ер. И какъ баба чинная,
Взяла пукъ мочалы...

Іер. Ну?

Ер. (*прищуривъ глаза и хвативъ пере-
боръ*). «Это пѣсня длинная,
Начинай сначала!»

Іер. Тьфу! Скоморошество одно. Скоро къ
вечерни зазвонятъ, а ты такое дѣло

Ер. Да что же, старче, я вѣдь въ святые
отцы и не прошусь. Что я такое? За ученой
птицей-попкой ходилъ,—былъ черезъ нее сытъ
и одѣтъ, всѣ помыслы только на попку и бы-
ли направлены, какъ бы не захворалъ, да ти-
пужь бы на язычекъ у него не сѣлъ. Мылъ
тоже его по субботамъ.

Іер. Ну?

Ер. Ей-ей, мылъ. Онъ вѣдь умный, поп-
ка-то. Его моешь, а онъ приговариваетъ: «такъ,
такъ!»

Іер. Неужто говорилъ?

Ер. Все рѣшительно. То-есть такъ даже: вы-
пьемъ чарку: «будь здоровъ, попка!», а онъ
сейчасъ: «покорно благодарствую, кушайте на
здоровье». Одинъ разъ что было. Совершилась

въ царскихъ покояхъ пропажа—пропала запо-
на яхонтовая, что положилъ осударь близъ клѣт-
ки и, позабывши, ушелъ. Ну, поднялась это
сумятица, и, Господи! Допросъ—что, да какъ,
этакое дѣло! Чуетъ миѣ, не ладно—сердечуш-
ко ноетъ. Прихожу я это къ попкѣ, плачу—
разливаюсь: «Попочка, что со мною теперь бу-
детъ?» А онъ-то, слышь, миѣ и говоритъ: «Былъ,
говорить, здѣсь невѣдомый человѣкъ подъ ви-
домъ истопника, бородой красенъ, ономъ косъ,
онъ эту запону и стянулъ». Что жъ ты ду-
маешь: вѣдь по снѣмъ примѣтамъ и разыскали
вора.

Іер. О! Такъ это онъ тебѣ и доложилъ?

Ер. Такъ и доложилъ. А я осударю говорю:
такъ и такъ. А какъ нашли вора—очень осу-
дарь смѣялся: «Хоть, говорить, можетъ, поп-
ка миѣ-же и наученъ, а выдать ему за догадку
сукна на кафтанишко». Ей-ей.

(*Съ сосѣдней звонницы раздается ударъ
колокола.*)

Іер. Ишь ты, ужъ и вечерни подошли. Что жъ,
пойти надоть на службу Господню.

Ер. Куда ты пойдешь, пѣшито не слыхалъ,
что старуха обѣщала свести тебя къ Коптену.
Человѣкъ властный, что захочетъ, то и сдѣ-
лаетъ для тебя.

Іер. Да никакъ она домой ужъ спроворилась?

Ер. Куда тебѣ домой! Она на пуховикѣ у
хозяйки здѣшней дрыхнетъ. Тѣлесный составъ
у нея, слава Богу, ровно перина на перинѣ ле-
жить.

Іер. Обстоятельная женщина.

Ер. Жениться бы на такой! Я думаю, чего
только не припасено у нея. Сундуки, чай, до-
мнутся. Коли продавать—большую казну полу-
чить можно. А уиъ жить-то съ ней какая: ме-
ды да пироги—ѣшь не хочу. Лучше царской

жисти. Потому, у царя все же забота: то, да другое, а тутъ—ни тебѣ заботы, ни тебѣ смуты какой: лежи на печи, да ѣшь морковку. Чудесно!..

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же, на крыльцѣ показывается Козлиха.

Коз. Вотъ и я...

Ер. (вставая). А и легка ты, тетенька, на поминѣ... Куда, чай, легче, чѣмъ на подъемъ.

Коз. (идетъ къ столу, переваливаясь). Ахъ хорошо на воздушку-то. Такъ толи я заснула, что лучше и не надо. Ровно въ царствѣи небесномъ была. Теперь вотъ кваску изопью, и полегчаетъ.

Ер. Сонъ окрѣпу дасть членамъ.

Коз. То-то что окрѣпу. Ровно бы снова родился человекъ послѣ сна. Вѣдь свыше положено отъ Бога, чтобы такое окрѣпленіе было. Такъ ли я говорю, странный человекъ?

Ер. Такъ, сударыня, такъ, матушка.

Коз. Вольготно таково, и въ колѣнкахъ совсѣмъ свободно. Вотъ таперь я про рѣку Ердашъ послушаю. Очень даже я люблю такіа безѣды.

Ер. Поучительно, сударыня, поучительно.

Коз. Долго ли итти-то туда, ежели я соберусь?

Ер. Охъ, долго, сударыня! Годъ итти надо, да и то ежели торопиться. Ежели же такъ итти, какъ многія странницы ходятъ—два шага впередъ, да одинъ назадъ, такъ и всѣ два пройдемъ.

Коз. А неужто есть такіа, что такъ ходятъ?

Ер. Есть, сударыня, есть такіа подвижницы.

Ер. А я такъ полагаю, тетенька, что ежели итти шагъ впередъ и шагъ назадъ, такъ это много еще лучше. Потому, дальше своего двора не уйдешь, а подвигъ совершишь, коли съ зари до зари пѣшествовать будешь.

Коз. Ну те, скоморохъ!

Ер. А ибѣтъ, найми меня за себя сходить, да деньгами дай двадцать рублей, а тебѣ черезъ годъ песочку да камушковъ принесу, да еще тѣмы египетской—въ ящикѣ. Только открывать его никакъ нельзя, потому какъ свѣтъ въ ящикъ проникнетъ, такъ ничего изъ темноты и не останется.

Коз. Отлипни ты, гудошникъ. Ну, и скажи ты мнѣ, человекъ Божій, неужто ты такъ-таки годъ и шелъ?

Ер. Такъ и шелъ. Все съ Москвы на полдень, все на полдень. Потомъ началъ влѣво забирать по Дону. И такъ забралъ влѣво, что въ одномъ мѣстѣ до края свѣта дошелъ—такъ и прошелъ по самому краюшку.

Коз. Господи! Страшно-то какво!

Ер. Извѣстно, страшно. Небо съ землею сходится. Тучи эти самыя у тебя надъ головою. Рѣка такая есть—Терекъ, такъ вотъ въ ономъ

мѣстѣ. И тучи такъ надъ тобой и летаютъ, орлы и тучи, орлы и тучи...

Коз. Скажи на милость! А вотъ сестра сказывала, что у нихъ въ псковской губерніи облаками коровъ кормятъ. Тамъ на пригоркахъ ихъ кусками находятъ. Вродѣ какъ студень...

Ер. Неужто орла видѣлъ? Что жъ онъ, о двухъ головахъ?

Ер. Ну, тоже сказалъ! У всякой твари одна голова полагается.

Ер. Ври болѣ. А какъ же на престолѣ у его царскаго величества двуглавый орелъ изображень? Опять же на Спасскихъ воротахъ, на Иверскихъ...

Коз. А это вѣрно. Сама своими глазами видѣла, двѣ головы, два крыла, двѣ лапы.

Ер. Такъ то изображеніе и больше ничего, а чтобы вѣявъ такое было—никогда и не слышано и не видано. Ужъ чего я ни перевидала, ни переслышала,—подъ Кіевомъ вѣдьмъ видѣлъ, а ничего такого о двухъ головахъ не доводилось. Я даже видала, какъ вѣдьмы кругъ водили. Мнѣ дьякъ показывалъ: въ полѣ козлиныя слѣды и все кругомъ, кругомъ...

Коз. Батюшка, странничекъ, пойди ты къ намъ въ домъ жить. Разсказывалъ бы ты разсказы и такъ было бы...

Ер. Я много разсказывать могу. Вотъ хоть бы такое дѣло. Вздумала подъ Путивлемъ одна жена волхвовать. Пошла она ночью въ баню, взяла съ собою свѣчу изъ человѣческаго сала, закрепила ее и слышитъ вдругъ голосъ...

Маз. (изъ сна). Врешь все, старый хрѣнь!

Коз. (въ испугѣ). Охъ, чуръ меня, чуръ! Кто тутъ. никакъ муринъ?..

Маз. Какой тамъ чорта—муринъ? Только спать мѣшаютъ. И чего ты, старъ-человѣкъ, стрекочешь? И все врешь, все врешь!

Коз. Охъ, напугалъ, охъ, напугалъ! Какъ же это возможно, а баба сырая... Отъ младости пужлива, а ужъ теперь такъ-толи всего боюсь, такъ боюсь.

Ер. Можеть облиль ведеркомъ водицы прикажешь?

Маз. Облей ее, облей хорошенько. А гдѣ же человекъ аглицкій? Тоже спать? (*Приподнимается и смотритъ на храпящую Гарринтона.*) Здоровъ пить, заморскій чортъ. Эй ты, Генрыкъ Ивановичъ, господинъ агличанинъ, продирай глаза. Перенималъ православнаго человека, и радъ. Вставай!

Гар. А? У!

Маз. У! Вставай, можешь пить снова?

Гар. Yes!

Маз. Ну, братъ, ибѣтъ: у меня головизна такъ трещитъ, точно ее желѣзными обручами обивать. Я съ тобою и знаться не хочу.

Гар. Я пить могъ три день и три ночь!

Коз. Охъ, всего-то я боюсь... всего... А ужъ разбойниковъ такъ-то боюсь, такъ-то боюсь...

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Въ ворота раздается стукъ. Съ крылечка спускается Митрій Ивановъ. Потомъ изъ воротъ — Шнелле.

Ер. Ну вотъ, тетенька, это они и есть.

Коз. Кто, родно-ой?

Ер. Да разбойники-то...

(Стукъ повторяется. На крыльцъ показывается заспанный Митрій Ивановъ.)

Мит. Ив. Кого тамъ еще несетъ! *(Отпираетъ калитку.)*

Шн. *(входитъ съ улицы красный и потный.)* Митрій Ивановъ, — у тебѣ возникъ, что возилъ на нѣмецки слободъ венецейски стеколь?

Мит. Ив. Чего ты словно съ неба свалился! Какія стекла?

Шн. Бояринъ Юреневъ возилъ Меркуріусъ, и замѣста Меркуріусъ стекла, а нѣтъ Меркуріусъ. Гдѣ Меркуріусъ? Я бѣжалъ Коптеву, но тамъ спитъ и меня не пустилъ. Меня сюда послалъ.

Мит. Ив. Чего такое онъ допочетъ?

Шн. А, херръ Гаррингтонъ! Ихъ хабе...

(Снова стукъ; изъ калитки появляются Щелкунъ и Аксютка.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же, Щелкунъ и Аксютка.

Коз. Ты чего? Какъ ты смѣешь отъ дому отлучаться?

Акс. Къ тебѣ на поклонъ, отъ Кошечки безсмертнаго прислана.

Щел. *(цѣлуется съ хозяиномъ).* Бояринъ на розыскъ прислалъ меня, — дабы путанку всю изъяснить, а главное, чтобъ возчики назадъ прѣехали, забрали иотукана, что привезли ему.

Акс. *(Козлихъ).* Меня за тобой старая боярыня прислала. — Старая боярыня безъ ногъ лежить.

Коз. Охъ, грѣхи!

Акс. Къ намъ въ домъ идола привезли страшнаго, боярыню о сю пору колотить. Крещенской водой всѣ хоромы опрыскала. Какъ! говорить, такое дѣло произошло, а эта старая дура, Козлиха, не при мнѣ.

Коз. Охъ, грѣхи! — Надо собираться.

Акс. Да теперь ужъ что тебѣ собираться, — время прошло, у насъ около полуленья стряслося все это. — Идолище-то теперь, кажись, у самой твоей каморы поставлено... Ротъ-то — до ушей, глазищи — во!..

Коз. Не пойду, — рѣжьте меня на части — должна же я душу свою соблюдать.

Мит. Ив. Да возчики-то здѣсь, — они тутъ у меня на черномъ дворѣ кормятъ, а только безъ боярыни Юренева какъ же?

Щел. Да за бояриномъ давно послали, — онъ

сказалъ, что сюда прѣдетъ, я думалъ, что онъ здѣсь ужъ. Сейчасъ онъ весь распорядокъ сдѣлаетъ.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

На крыльцъ Малецъ, потомъ изъ воротъ Юреневъ и Микита.

Мал. Бояринъ Юреневъ съ Микиткой скачутъ.

Щел. Ну, вотъ и онъ.

Гол. Юр. Эй, кто есть! Принять коней!

Ер. *(Кидаясь къ воротамъ.)* Пожалуй, бояринъ, — я за конями умѣю ходить, провожу. *(Юреневъ съ Микитой выходятъ на сцену.)*

Юр. *(Микитѣ).* Вотъ напуталъ, бѣсовъ сынъ! Опять бабы у тебя въ головѣ сидятъ. Не зналъ, небось, какой ящикъ куда идетъ, скажешь.

Мик. Да, это точно, что бѣсъ попуталъ!

Юр. А, гутенъ тагъ, герръ Шнелле! *(Подаетъ пѣмцу руку.)*

Шн. Гутенъ тагъ! И ну, гдѣ же теперь Меркуріусъ? У Коптева?

Юр. Должно, тамъ, — гдѣ же ему быть... Стекло-то венецейское у васъ?

Шн. Стеколь? — Да, мы смотрѣлъ и сейчасъ заколотили аккуратъ на то же мѣсто. Фу, какой неприяность, — я весь мокра!

Щел. Такъ какъ прикажешь, бояринъ, доложить Всеволоду Тимофеевичу?

Юр. Да что жъ сегодня, пожалуй, не поспѣетъ. Ужъ завтра на восходѣ все уладимъ. Что же, Всеволодъ-то гнѣвается?

Щел. Не то, что очень гнѣвается, — а такъ, онъ какъ-то ровно бы въ обалдѣніи. Теперь онъ больше часу въ прудѣ сидитъ и все квасъ пьетъ — никакъ жбана три осадилъ. Жаръ его донимаетъ.

Акс. Старая боярыня очень ужъ въ озлобленіи.

Юр. А Антония Авдѣвна, та что?

Акс. *(пониживъ голосъ).* Я къ тебѣ, бояринъ, и подослана отъ нее. Вдругъ она такъ затосковала, такъ затосковала... И велѣла, чтобъ безпремѣнно я узнала — не задержалъ ли тебя царь, и какъ на счетъ сна: — сбудется, или нѣтъ?

Юр. Держи! *(Кладетъ ей на ладонь серебряную монету.)* Такъ и скажи боярынь — сонъ, молъ, въ руку, — такъ и скажи. А что царевой лаской я много доволенъ.

Коз. Это что? *(Разжимая ладонь.)* Полтина! На что тебя, фарисейку, подкупали?

Акс. Ай, батюшки, пальцы обломала!

Юр. Ты что, старая! Чего дѣвку обижаешь, — пошла!

Коз. Ну, ладно, — ужъ ты меня попомнишь!

Акс. Грозна да не сильна! Испугалась!

Щел. Ну, дѣвка, айда домой!

Акс. Такъ я все такъ и передамъ, бояринъ!

Коз. Это насчетъ чего же?

Акс. А насчетъ кума Клима. На свадьбѣ былъ, бороду спалилъ, — его надо хоронить, а онъ хочетъ боронить. (*Шмыгаетъ за Щелкуномъ въ калитку.*)

Мик. Ну, дѣвка!

Юр. Ты чего изводишь ее? Я тебя, вѣдьму старую, научу заморскому обращенію (*Наступаетъ на нее.*)

Коз. Окстись, отецъ, что ты! Да чего ты! Да Аксюща мнѣ за мѣсто дочери родной!.. (*Отступая, нутается въ снѣгъ.*)

Мяз. (*все лежавший въ снѣгъ*). Да вѣдь ты такъ, старица, человѣка можешь задавить.

Коз. А ты чего валяешься?

Мяз. Ладно, у тебя не спросился! (*Встаетъ.*)

Юр. Ну, вотъ и ты тутъ! Я тебя только что помянулъ въ умѣ. Прочухался съ утра?

Мяз. Ничего, — коли наладить еще ковшечка два, буду какъ встрепанный.

Юр. Ну нѣтъ, ладно. Слухай, дѣльце касательно...

Мяз. Коптевой?

Юр. Тш!.. Чтобы ни слуху, ни духу... Понимаешь?

Мяз. Дѣло извѣстное, — на это будь спокойнымъ. Могила, а не человѣкъ...

Шн. Митрій Ивановъ, мы идемъ съ герр-гаррингтонъ на тшерный дворъ, на извозшикъ. (*Уходятъ съ хозяиномъ.*)

Іер. О, Господи, — къ вечернямъ-то все же сходять.

(*Уходитъ въ ворота.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Юренивъ, Мяздра, Микита и въ снѣгъ Козлиха.

Юр. Слушай, Мяздрушка, — дѣло большое. Сегодня, какъ только мѣсяцъ глянетъ, переѣзжу я въ нѣкій садъ, нѣкоего боярина... Нужно мнѣ подѣхатъ тишкомъ, и тишкомъ уѣхать. Конямъ подковы трипцами обвернуть, чтобъ, храни Богъ, не звякнули о камни.

Мяз. Дѣло бывалое.

Юр. И потомъ мѣсто новое, глазъ много, кто ихъ знаетъ, — можетъ старая псовка Егущевна сторожить невѣстку. На случай, чтобъ все въ порядкѣ, ножикъ и прочее.

Мяз. Кистень тоже дѣло хорошее.

Юр. Ну, и станете вы съ Микиткой; коли что, — я ли вамъ, вы ли мнѣ знакъ подать.

Мяз. Да знаю, не учи, чего ужъ! Въ первой, что-ли? Мало ли черезъ заборы-то лазали. Я съ шести лѣтъ яблоки на Москвѣ ворую, да ни разу еще не попался, до сѣдыхъ волосъ дожилъ. Въ лучшемъ видѣ все обдѣлаемъ.

Мик. (*подходя къ боярину съ поклономъ*).

Батюшка, Борисъ Петровичъ, къ твоей милости!

Юр. Чего еще?

Мик. Такъ головушку разломилъ, хоть плачь! Солнышкомъ должно напекло. Просто на плечахъ не держится, внизъ скатывается. Дозволь домой поѣхать, до подушки дорваться. Силушки мочушки нѣтъ.

Юр. (*сдвинувъ брови*). Охъ, Микитка! Наквозъ тебя вижу. Путаешь ты! Ну, развѣ стачное дѣло, чтобъ болѣла у тебя голова? Вѣдь качанъ капусты скорѣ заболѣетъ, чѣмъ она. Врешь все, — по глазамъ твоимъ воровскимъ вижу...

Мик. Силушки нѣтъ, — просто изъ терпеза выхожу!

Мяз. Ну, а хочешь, Микита Ильичъ, скажу я тебѣ, отчего у тебя голову разломилъ, и куда ты отсюда поскачешь...

Мик. На солнопекъ я долго...

Мяз. Ладно. Солнопекъ-то у здѣшней хозяйки — отъ нея и нагрѣло. Отпустить тебя бояринъ, доѣдешь ты до перваго знакомаго двора, поставишь тамъ коня, да пѣшимъ ходомъ сюда и повернешь. Чего голову отворотилъ?..

Юр. Фю-фю! вотъ такъ служба твоя боярину. Своими мамурами заниматься небось веселѣе, — такъ я эту дурь изъ тебя выбью.

Мик. За что же такіа рѣчи, бояринъ? Кажись, я ни въ чемъ и ничего такого... Завсегда несу службу вѣрно, и ни въ какой такой воровской плутнѣ не былъ уличенъ. А чтобъ доказать тебѣ — издохну на службѣ, а не отступлюсь.

Юр. Ишь ты, какъ заговорилъ!

Мик. И у забора коптевскаго постоялъ, коли служба такая!...

Мяз. Охъ, Микитка, ловокъ! Охъ, шельма, ловокъ! Не въ бровь, а въ глазъ боярину...

Юр. Пошелъ, чтобъ духу твоего не было.

Мик. Ну, ужъ я теперь, отъ тебя, бояринъ, ни на шагъ. Куда ты, туда и я, — рѣжь, жги, не пойду. Изобидѣлъ ты меня, горько изобидѣлъ...

Юр. Ахъ ты посолъ заморскій, — честь великая!.. Мяздра, садись на его коня, съ тобой поѣдемъ вдвоемъ...

Мяз. Стой, бояринъ! Третьимъ мы позволимъ аглицкаго человѣка Генрыка — онъ тутъ на задахъ путается. Онъ такъ кулачищемъ бьетъ, что я тебѣ скажу. Самъ какъ щепка тонкій, а ты смотри на него, что онъ дѣлаетъ. Или мы съ нимъ о Петровъ день мимо кружала, къ нему и присталъ пьяненькій, — дѣтинаща во! Косая сажень и вдоль и поперекъ, а Генрыкъ Ивановичъ и говоритъ: «видалъ?», — и только мигнуть успѣли онъ его подъ ложку. У того ноги кверху дрыгъ — и пластомъ. Его безпрежънно надо съ собою прихватить.

Юр. Ну, ладно, тащи его.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же, Шелло и Гаррингтонъ *справа*.

Шн. Ну, а завтра мы можемъ богъ Меркуріусъ брать и возить чѣмъ свѣтуще. Ну, и какъ испугался херръ Кнабе,—видитъ вѣсто богъ Меркуріусъ—бокаль и блюдо. Онъ такъ испугался и звалъ меня. И потомъ мы пональ и хохоталь. Я еще разъ теперь пойду херръ Коптевъ, чтобъ онъ сказалъ, чтобы Щелкушъ выдавалъ завтра мужиканъ богъ Меркуріусъ. И херръ Гаррингтонъ я сведу въ утѣшитель по-аглички...

Маз. Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ,—Генрыкъ намъ нуженъ на сегодня: Генрыкъ пить сегодня еще будетъ.

Ген. Yes!

Маз. Люблю! въ него какъ въ сточную канаву вливать можно.

Юр. *(у воротъ)*. Эй, кони!

Ер. *(за сценой)*. Здѣсь.

Юр. Ну, Мяздра, до мѣсяца недалеко. Конечъ не ближній, вы поспѣшайте. Я для васъ коней приготавлию.

Маз. Ладно, поспѣемъ, мы за тобой слѣдомъ. Мы готовы.

Всѣ идутъ за ворота. Слышнъ топотъ.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Пауза. Изъ сѣна вытѣзаетъ Козлиха; потомъ съ крыльца Марѣуша.

Коз. Вотъ что, милые! Хорошо! Чудесно. Я вамъ поднесу—будете довольны. Тихоня, боярыня!...

(Съ крыльца Марѣуша.)

Коз. Марѣуша, что я узнала, что я узнала! Въ моихъ теперь рукахъ боярыня Антония Авдѣвна, въ моихъ! Сидитъ она у меня вотъ здѣсь въ кулакѣ, захочу разожму и выпущу, захочу—задушю.

Мар. Да что ты городишь?

Коз. Я ее сегодня еще изловлю на такомъ дѣлѣ... Попляшетъ она у меня, попляшетъ... Миѣ и Ульемъ теперь твоей не надо, совсѣмъ не надо, и ни алтына я ей не дамъ,—не стоить. И ворожитъ она скверно, потому ты противъ меня, ты не позволяешь ей... Да и ты хороша! И про тебя я узнала,—я узнала, что къ тебѣ этотъ Микитка венецейскій примазывается. Ты у меня смотри, я вѣдь тебя тоже.

Мар. Ну, тетенька, ежели ты для такихъ разговоровъ сюда ѣдешь—такъ вотъ тебѣ и поворотъ отъ воротъ...

Коз. Что-о? Ну, покажу я тебѣ, покажу я тебѣ тоже! Сейчасъ велю повозку закладывать! Ахъ, безстыдница!

Мар. Да что ты на чужомъ дворѣ кричишь?—вонъ ужъ, кажись, собаки залаяли, тебя слушаючи. Сейчасъ тебѣ твою повозку заложать—и милости просимъ вонъ! *(Идетъ направо, позади погребка, на черный дворъ.)*

Коз. Гдѣ я? Гдѣ я? Меня не уважаютъ! Ну, покажу я вамъ себя, всѣмъ—всѣмъ покажу!...

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Козлиха и Ерошна *показывается изъ калитки*.

Ер. Матушка-сударыня! дозволю ручку облобызать.

Коп. Что я, на издѣвку тебѣ далась, что ли?..

Ер. Нѣтъ, матушка, нѣтъ, голубушка. А только, ежели желаешь, я въ ножки тебѣ поклонюсь.

Коп. Чего еще?

Ер. Изволь одно слово, одно махонькое словечушко сказать пресвѣтлому боярину Всеволоду Тимофеевичу, чтобы взяли меня къ нему въ домъ. Вѣдь не даромъ я за царской итицей смотрѣлъ, знаю же я, что я человѣкъ нужный. Ты вотъ этого страннаго человѣка берешь—невѣдомо кто, невѣдомо откуда, а я за царскими попками смотрѣлъ...

Коз. *(подумавъ)*. Ладно! скажу я боярину слово, и будешь ты принятъ. А только ты за это службу долженъ исполнить.

Ер. Приказывай!

Коз. Первое дѣло: шепни ты этому ослу, Митрію Иванову, что за его женой Микитка бѣгаетъ, и сегодня ночью черезъ заборъ прилечь.

Ер. Шепну, сударыня, шепну,—это я могу!

Коп. Второе дѣло, сейчасъ со странникомъ какъ придеши къ Коптевымъ,—иди ко мнѣ за приказомъ; сегодня въ ночь мы воровъ ловить будемъ.

Ер. Воровъ?

Коп. Воровъ! Боярыня Юренева словимъ въ воровскомъ дѣлѣ,—такъ и знай! Слышишь, какъ придеши, сейчасъ ко мнѣ подъ начало.

Ер. Слушаю, матушка, слушаю—я все могу...

Козлиха *входитъ на крыльцо*.

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Ерошна, *изъ воротъ* Іеронимъ.

Іер. О Господи! суставчики всѣ такъ и говорятъ.

Ер. Божій человѣкъ, я съ тобой къ Коптеву.

Іер. Ну что жъ, вдвоемъ-то веселѣе! Это я съ Ердана шелъ, такъ рѣдко, когда одному доводилось: все то одинъ, то другой пристанетъ.

Ер. Ладно, погодь здѣсь,—я два слова Митрію Иванову скажу, и тронемся. Ты посиди здѣсь, я живымъ манеромъ. *(Идетъ на крыльцо. Іеронимъ садится.)*

Іер. Ишь ты—Свѣте тихій! Вотъ и тамъ такъ—во Ерусалимѣ, я въ Кіевѣ такъ,—да, вездѣ солнце садится, вездѣ встаетъ. Чудеса...

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Иеронимъ, справа Маркуша, потомъ изъ калитки Микита.

Мар. Странничекъ, не видалъ юрениевского слуги Микитки—не былъ онъ здѣсь?

Иер. Микитки, —это какого?

Мар. Ахъ, Господи, — ну, что весь день тутъ терся. Когда надо и нѣтъ его!

Мик. (*Изъ воротъ*). Анъ, здѣсь!

Мар. Микитушка, какъ мнѣ нужно тебя. Ужъ куда намъ съ тобой сегодня видѣться.

Мик. Ну, вотъ! а я-то еще боярина уговаривалъ, что, молъ, голову разломилъ... Чего жъ я пороховъ-то даромъ тратилъ..?

Мар. Не до насъ, Микитушка: ты Бориса Петровича спасай! Козлиха узнала, что твой-то сегодня въ садъ къ Антонию Авдѣвичу придетъ, — и всю дворню туда собьетъ для сраму. Микитушка, скажи скорѣй къ боярину, —упредить надо.

Мик. Господи, — вотъ такъ-такъ! Ну, ужъ услужу боярину. Онъ думаетъ, что я гдѣ. А я какъ листъ предъ травой передъ нимъ. Ну, такъ, слышь—я завтра къ тебѣ... А ужъ теперь что же! Скажи на милость, дѣла какия—а?

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же, на крыльцѣ Митрій Ивановъ и Ершанка.

Ер. Да лопни мои глаза, — вотъ что!.. Да переверни мнѣ лицо на затылокъ... вотъ что!

Мит. Ив. Убью я тебя за твои рѣчи! Чтобъ такое ты смѣлъ сказать...

Ер. А эво-тъ что? (*Показываетъ ему на пару въ калиткѣ*.) Легокъ на поминѣ.

Мик. (*Наклоняется поцѣловать Маркушу, та не противится*).

Мит. Ив. Нѣтъ ужъ, погоди, гость дорогой!—Куда же уходишь безъ угощенья?

Мик. (*Вздвинувъ*). Я по дѣлу, —мнѣ далеко надо.

Мит. Ив. Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же, пожалуй сюда, пожалуй! (*Беретъ Микиту за рукавъ и ведетъ ея въ погребъ*.)

Мар. Ему точно что сейчасъ ѣхать надо.

Мит. Ив. А ты брысь! Чтобъ не пикнуть! Слышь! Пошла въ домъ... (*Отодвинувъ засовъ погребъ*.) Пожалуй, гость дорогой, пожалуй, будь другъ, —войди, не бойся, —крысь тамъ нѣту, коли ты пужливъ очень.

Мик. Да ежели мнѣ надо...

Мит. Ив. Да тебя объ этомъ и не спрашиваютъ, надо ли, не надо ли, а просить пожаловать, и все. А ежели ты хочешь хозяину противиться, то можно и такъ. (*Взявъ ея за шиворотъ втаскиваетъ въ темную глубь ледника и, задвинувъ засовъ, повертываетъ ключемъ огромный замокъ*.) Ну, жевушка! Это какъ же?

Мар. Дуракъ ты, больше ничего! (*Уходитъ, хлопнувъ дверью*.)

Мит. Ив. А ты, Ершанка, —ты такъ и знай, что ежели когда увижу твою рыжую образину—не одобровать тебѣ —искалъчу. (*Идетъ къ дому*.)

Ер. Однако влетѣлъ!

Иер. Чего же, сыне, тронемся?

Ер. Однако ловко! Видалъ, какъ нашего брата! (*Показываетъ на погребъ*.)

Иер. Да, сыне, —вотъ грѣхъ-то до чего человека доводить! Всѣ туда будемъ ввержены, и будетъ ту плачь и скрежетъ зубовъ... (*Идутъ къ воротамъ*.)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Садъ у Коптевыхъ. По авансценѣ тянется дорожка вокругъ пруда. Слева она загибаетъ вълубъ и, пробывая мимо кустовъ, ведетъ къ боярскому дому, который едва виднѣется ютическими вышками изъ-за деревьевъ. Направо дорожка теряется въ кустахъ, которые сплошной массой поднялись на сажень кверху. Справа въ глубь идетъ частокость, въ одномъ мѣстѣ разобранный, такъ что можно пролѣзть. Со второго плана идетъ вълубъ прудъ, окруженный старыми липами, кленами и березами. На пруду—плотъ и купаленка-раздѣвальня изъ грубаго полотна.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Коптевъ и Петруша.

Коп. (*Въ раздѣвальнѣ одѣвается, ему подаетъ Петруша лѣкій кафтанъ*). Набрось его только на плеча, набрось, въ рукава-то надѣвать не буду! Фу! вотъ засидѣлся въ водѣ. Сколько же это я сидѣлъ?

Петр. Долго сидѣлъ, бояринъ, долго. Вотъ солнышко-то ужъ совсѣмъ, почитай, сѣло.

Коп. Да... Потри полотенцемъ - то еще голову, потри!.. А много я меду выпилъ?

Петр. Да четыре кувшина выкушать изволили...

Коп. Да. Фу, тяжело!.. А какъ матушка-боярыня?

Петр. Свѣта Божьяго не видить.

Коп. Даже так?... Необразованность! Фу, какъ тяжело! Петрушка! Я спать пойду.

Петр. Что жъ, бояринъ, отчего жъ и не пойти.

Коп. А что, Петрушка, ежели я этого истукана самого въ Нѣмецкую Слободу не отдамъ, а ежели оставлю себѣ, и ежели поставлю посередъ пріемнаго покоя. Вотъ-то на всю Москву гдѣвора!

Петр. Боярыня гнѣваться будетъ...

Коп. Оно точно... да вотъ еще патріархъ... Эпитемью такую наложить... *(Пауза.)* А Антониди Авдѣевна гдѣ?

Петр. Она въ опочивальнѣ сегодня цѣлый день спать... Тимошей Всеволодовичъ—на голубятнѣ сидитъ, и въ глядѣльную трубку смотреть на Замоскворѣчье...

Коп. Охъ, тяжело,—спать пойду. Разморилко къ ночи-то. Вели простоквашки приготовить,—похлебаю, да и съ Богомъ! *(Садится на скамью на авансценѣ.)* Петрушка, погоди. Не уходи, не оставяя меня одного. Нудно такъ.

Петр. Да вотъ, бояринъ, никакъ идетъ кто-то.

Коп. Кто еще?

Петр. Щелкунъ, никакъ. Онъ и есть.

Коп. Ну, такъ иди ужъ, иди!

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Коптевъ, Щелкунъ, Петрушка, потомъ Аксютка.

Щел. Благодѣтель, пришли невѣдомые люди, просятъ, чтобы допустилъ ты ихъ на свои свѣтлыя очи.

Коп. Чего имъ, чертямъ, надо?

Щел. Кто ихъ знаетъ,—не говорятъ. Одинъ по облику человекъ странный, говорить—съ рѣки Ердана, видѣлъ я его только что на дворѣ постояломъ. Другой что-то про какихъ-то поповъ бормочетъ.

Коп. Гони ихъ по шеямъ.

Щел. Милостивецъ, онъ бантъ, что для тебя заморскій садокъ поставить можетъ.

Коп. Заморскій? Откуда жъ онъ заморскіе садки знаетъ?

Щел. Да ужъ дозволю ихъ сюда привести.

Коп. Ну, зови! *(Щелкунъ рысцой удаляется къ дому, Коптевъ трусно опускается на скамейку.)* Фу, Господи, спаси и помилуй! Эка жарница! И комары подлые тоже... Петрушка! Меду мнѣ...

Петр. Бѣгу, батюшка!.. Бѣгу...

Коп. Стой!.. Это кто тамъ въ кустахъ точно шевелится?

Петр. Никакъ Аксютка, бояринъ.

Коп. Чего она тамъ, дѣвка, прячется? Она должна при бояринѣ, а она на-ко!.. Аксютка! Слышь? Вылѣзай! Чего ты тамъ въ кусты забѣла?

Акс. *(вылѣзаетъ изъ кустовъ. Петрушка уходитъ.)*

Коп. Чего ты тамъ?

Акс. Да я, бояринъ, сметрѣла, яблоки поспѣли ли, боярыня послала...

Коп. Яблоки? Знаемъ мы эти яблоки... Вотъ кабы не лѣнь, всталъ бы со скамьи, да попарилъ бы по кусточкамъ... Ишь ты, щеки-то налились какъ,—такъ и распираетъ... Нутка, поди-ка поближе, поди. Небось не смѣешь... *(Похлопавъ ее по спинѣ.)* Ничего. Ничего. Ну—тка, зубы покажи. Ничего и зубы! Ну, а барчукъ бѣгаетъ за тобой?... Ты, коли что—сейчасъ ко мнѣ, я ему такого задамъ! Я не терплю, когда у меня въ домѣ что... Ну, а теперь сломай вѣтку и маши надо мной,—комары безо всякаго уваженія... Неужто и за моремъ такіе же комары? Быть того не можетъ, чтобы привсѣхъ удобствахъ въ жизни и вдругъ такая мошка отравляетъ покой... *(Аксютка выламываетъ вѣтку и становится возле него.)* Ты по вечерамъ-то съ боярыней гуляешь?

Акс. Гуляю, бояринъ.

Коп. Смотри, блюди ты ее пуще глаза, соблюдешь—такую награду я тебѣ къ праздни-камъ дамъ, такую награду...

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же, Щелкунъ съ Іеронимомъ и Ерошкой, потомъ Петрушка.

Коп. Это что за человѣки? Чего надо?

(Іеронимъ и Ерошка повалились въ ноги.)

Ер. Батюшка—бояринъ! можетъ тебѣ на нѣмецкій манеръ птичьи клѣтки и садки нужны? все это я могу въ лучшемъ видѣ.

Коп. А на что мнѣ твой птичникъ?

Ер. А ежели, бояринъ, заморскую птицу—сирина изъ Охотнаго ряда купить, да въ садокъ пустить, большое удовольствіе имѣть можно. Вонъ и нѣмцы въ Нѣмецкой слободѣ держутъ при себѣ завсегда птицу. Опять же морскихъ свинокъ, кроликовъ... Бояринъ твоей на утѣшеніе. Много я лѣтъ при царской мелкой звѣри состоялъ, попугайное дѣло досконально знаю. Теперь, ежели типунъ на языкъ вскочитъ...

Коп. Ну, ладно,—распустилъ языкъ-то, радъ что типуна нѣтъ: думаешь, невѣсть какъ пріятно слушать-то тебя. Щелкунъ, ты его сведи въ людскую, пушай пока остается... Аксютка! махай хорошенько, не видишь: на шеѣ сидитъ, окаянный.

(Петрушка приноситъ стопку меду и подаетъ боярину.)

Пет. Батюшка, тамъ очень гнѣвается боярыня, Афросинья Егупьевна.

Коп. Чего еще?

Пет. Да она къ окошечку изволила подойти, да какъ глянула въ садъ, такъ и обмерла. Истукана-то вынесли, да передъ ней на дорожкѣ и поставили. И такъ боярыня осерчала, что приказала убрать его не медля: «Чтобы, говорить,

духа его не было, не то сама ухватомъ ножищи его поганяя обломаю».

Коп. Куда жъ мнѣ, на носъ, что-ль, его поставить?... Ну, вели его сюда въ кусты стащить, а тамъ на завтра и хозяинъ найдется...

(Петрушка уходитъ.)

Коп. (Иерониму) Ну, а тебѣ что?

Иер. Иду сухопутнымъ путемъ съ Ердана, благочестивый бояринъ, — пришелъ московскимъ чудотворцамъ поклониться... Вотъ раковинки съ Ердана, ежели желаешь, маслица...

Коп. Да чего ты ко мнѣ-то лѣзешь?..

Иер. Повѣствованіе о своемъ хожденіи могу изобразить такъ, что именитые люди заслушиваются.

Коп. Никакихъ удовольствій ты намъ этимъ доставить не можешь.

Иер. Можетъ, черезъ тебя, бояринъ, доведется во дворецъ къ царю-батюшкѣ въ нищіе попасть.

Коп. Вотъ надоѣлъ! Ну, чего ты липнешь? Пошелъ въ людскую, — напоять, накормить. — а завтра подумаемъ. И все это странные люди одно и то же рассказываютъ, — и никакого, то есть, удовольствія мнѣ нѣтъ... Аксютка, не видишь — на щекѣ коваръ?! И ничего-то вы о своихъ господахъ не печетесь, а вотъ маменька еще нынѣ утромъ говорила, что нужно, молъ, изъ-за васъ, холоповъ, на томъ свѣтѣ отвѣтъ держать. Каково это? Вотъ этотъ странный человекъ — песь его знаетъ какой — его на поварню пошлешь, а онъ по дорогѣ что-нибудь стащить...

Иер. Господи Иисусе, бояринъ именитый! Да когда же!..

Коп. Ладно... Ну, васъ къ лѣшему... Вотъ истукана тащутъ... Экой шутъ, здоровый какой...

Иер. Дозволь помочь, бояринъ, я тоже вѣдь сыленку-то имѣю...

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и людишки, которые тащутъ истукана, между ними Тимоша.

Тим. Батенька, я такъ полагаю, его въ кусты схоронить надо. Потому бабенка такъ въ сердце вошла, такъ въ сердце вошла... Ей-ей, батенька! «Я», говорить, «ему, дураку, покажу...» Это она тебѣ, батенька, показать хочетъ...

Коп. Ну, ладно, нечего тутъ говорить! Ставьте его тутъ, ставьте!..

Тим. А хорошо, батенька, онъ сооружованъ!

Акс. (закрывшись рукою). Охъ, стыдобушка!

(Истукана ставятъ осторожно въ кусты.)

Коп. Фу!.. сколько изъ меня сердца вышло сегодня изъ-за него! Слушай ты, Щелкунъ, и ты, Тимоша... Ежели кто придетъ за исту-

каномъ, отдавайте, и меня не будите... У меня трясеніе такое внутри... Я пойду... Аксютка, блуди боярину... Ты, странный человекъ, исторіи рассказывать умѣешь?..

Иер. Какія исторіи, бояринъ именитый?

Коп. (на ходу). Ефіопевъ ты видѣлъ?

Иер. Доводилось... доводилось...

Коп. Только ежели ты что украдешь — смотри!.. (Уходятъ. На сценѣ остается Аксютка и Тимоша.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Аксютка и Тимоша.

Акс. Ты это что же, Тимошей Всеволодовичъ?

Тим. А что?

Акс. Что же это дѣлать будешь?

Тим. А это я, Аксюся, буду рыбу ловить. Мнѣ сказали, что послѣ заката рыба лучше клѣветъ.

Акс. Какая же здѣсь рыба, Тимошей Всеволодовичъ, караси всѣ давно выловлены, развѣ колюшки однѣ остались?

Тим. А что ты думаешь, вдругъ я караса поймаю? Вдругъ на счастье! А? Аксюся? Вдругъ, поймаю...

Акс. А летучихъ мышей нешто не боязно?

Тим. Летуновъ я боюсь, Аксюся, и страсть какъ боюсь ихъ! Да ихъ пока еще нѣтъ!

Акс. Есть. Одна сейчасъ вотъ-вотъ надъ вашей головою чиркнула.

Тим. Что ты врешь?

Акс. Ничего не вру...

Тим. Ну, я немножечко поужу. Вотъ тутъ сяду и кричечекъ закину. (Садится на плотъ съ удочкой.)

Акс. (Про себя). Вотъ нелегкая принесла!

Тим. Аксюся!

Акс. Чего? (Садится на скамью).

Тим. А Антонида придетъ сюда?

Акс. Не знаю!

Тим. Врешь — знаешь! Какъ батя свою куриную слѣпоту въ сумракахъ напустить — такъ она сейчасъ сюда.

Акс. Ну, а коли знаешь, чего жъ говорить-то!

Тим. Говорю... Хочу и говорю... Что жъ ты мнѣ запретить можешь?

(Молчаніе.)

Тим. Аксюся! Аксюся, а я вѣдь знаю, зачѣмъ вы по ночамъ въ садъ выходите и гуляете, я знаю...

Акс. (съ испугомъ). Знаешь?

Тим. Я такой! Я все знаю!

Акс. Такъ скажи!

Тим. Ишь, ловкая какая! Такъ вотъ сейчасъ! А я не скажу...

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же, изъ дома Антонида.

Акс. Матушка-боярыня, сидитъ нашъ свѣтъ Тимошей, рыбу удить — не выживешь!

Ант. Вот не во время принесло!

Анс. И онъ говоритъ, боярыня, что знаетъ, зачѣмъ ты сюда вышла.

Ант. Знаетъ!.. Быть того не можетъ...

Анс. Сейчас говорилъ только...

Ант. (*Посмотрѣвъ на небо*). Ишь ты, ужъ звѣзды показались, того гляди придеть... Сплавить этого надо... (*Подбѣжавъ къ купаленкѣ*.) Тимоша, ты?

Тим. Фу, ты, вотъ попритчилось!.. Я думалъ что!.. Ухъ, поджилки всѣ затряслись... И чего это ты подкралась?

Ант. Подслушивала я, Тимошенька, подслушивала, что ты здѣсь съ Аксюшей разговаривалъ.

Тим. Ну, и разговаривалъ! Я съ дѣвушками говорить умѣю...

Ант. Что же такое ты, Тимошенька, сказалъ,—я, молъ, знаю, зачѣмъ вы ночью по саду гуляете? Экое слово!

Тим. Ага, испугалась. (*Хочочетъ*.) Ну, а хочешь, я батѣ скажу? Хочешь?..

Ант. Да что ты скажешь, несуразный, говори...

Тим. А то скажу... Я знаю, что ты хочешь съ батей сдѣлать, знаю...

Ант. Ну, говори.

Тим. Ну, слушай. Ты колдовать ходишь!

Ант. (*Покачиваясь со смѣху*). Чего? Чего ты сказалъ?

Тим. Колдовать ходишь.

Ант. Откуда это у тебя?

Тим. Ладно, ладно—нечего горло драть. Я знаю. Самъ видѣлъ.

Ант. Да что?

Тим. Намедни дождь шелъ.

Ант. Ну?

Тим. Ну, и размокло все—грязь на дворѣ, и на дорожкахъ тоже. Вхожу я къ Козлихѣ въ комнату, а у нея на столѣ вырѣзанный батенькинъ слѣдъ, такъ съ землей на досчечкѣ.

Ант. (*Аксюшѣ*). Слышишь?

Анс. Что-жъ, отъ Козлихи все станется!

Тим. Такъ, вы думаете, я этотъ слѣдъ и оставилъ! Нашли дурака! Я сейчасъ эту доску на полъ, сравнявъ щепкой, взявъ ея башмакъ да и тиснулъ его. У нея нога-то здоровая.

Ант. Постой, Тимоша,—да зачѣмъ же, умный ты мой, зачѣмъ же мнѣ на слѣдъ твоего батѣ гадать? Какая мнѣ нужда?

Тим. А шутъ васъ знаетъ—вѣдь у бабы волосье дологъ, умъ коротокъ...

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Изъ за тѣны показывается голова Юренева. Мнѣсяцъ уже началъ вставать.

Анс. Ай!

Тим. (*Встрепенувшись*.) Что ты?

Анс. Мышь. Вцѣпилась въ волосы... Батюш-

ка-баринокъ,—выньте, вишь бьется, проклятая...

Тим. (*Перепрыгнувъ черезъ скамейку*). Ну тебя къ лѣшему, знаешь, что я боюсь ихъ. Я убѣгу, ей-ей, убѣгу...

Анс. Баринокъ, голубчикъ...

Тим. Да ну васъ тутъ всѣхъ! (*Отмахиваясь*.) Колдуйте своими мышами,—очень мнѣ надо!.. И впрямь, подъ самымъ носомъ шарахнулась... Ну васъ! (*Бѣжитъ къ дому*.)

Юр. (*прыгаетъ черезъ частоконъ*). Эге, тутъ крапива!

Ант. Аксюша,—сторожи, чтобъ онъ не вернулъ.

(*Юр. вынырнувъ изъ кустовъ становится передъ нею. Аксюша уходитъ*.)

Ант. Ахъ!

Юр. Чего ты?

Ант. Ахъ, страшно! Ровно во снѣ! Ноги подкосились, стоять не могу...

Юр. (*Обнимая ее*). Не бойся, не упадешь!

Ант. Охъ, упаду! Никакъ это разбойники напали, да меня убить хотятъ! Кричать надо, а голоса нѣту. Ну, совсѣмъ какъ во снѣ.

(*Онъ подхватилъ ее на руки и несетъ до скамейки*.)

Ант. Батюшки, силаща какая, — Илья Муромецъ наѣхалъ!

Онъ смотритъ ей въ лицо, глаза закрыты. Онъ цѣлуетъ ея губы. Она открываетъ глаза.

Ант. Это что же, по-венецейски такъ надо?

Юр. Голубка моя, радость!

Ант. Стой, чего-же намъ на пробѣжей-то дорогѣ сидѣть? Подъ липой-то на плоту темнѣе,—тамъ и схоронимся. (*Идутъ*.) Ишь, ночка-то какая,—тепло-то какое...

Юр. (*усаживаясь*). Каждый день видимся,—а и поговорить недосугъ...

Ант. Опять по давешнему сказки сказывать хочешь?

Юр. Нѣтъ, ужъ теперь твоя очередь. Говори ты мнѣ, что безъ меня дѣлала, покуда я за моремъ былъ. У тебя все смѣшки одни...

Ант. А чего плакать-то? Я довольно наплакалась за первые полгода, какъ замужъ вышла. А потомъ подумала: стоитъ изъ-за всякаго хлама стараго красоту терять! Ужъ лучше смѣяться. Свекровь попилила, да отстала. У меня вѣдь нравъ такой...

Юр. (*придвигаясь*). Эхъ, взять бы тебя, да въ городъ Парижъ и дернуть отсюда: нищи—свищи!

Ант. Еще что надумалъ!

Юр. Вечоръ твой муженекъ—отъ говорилъ: ежели, говорить, мнѣ съ Нидочкой во Флоренцію...

Ант. Со мною-ой?..

Юр. Довѣдали бы мы до французскаго берега, тамъ его, стараго, дальше пустили, а са-

ми,—ахъ, какъ закатились-бы! Жизнь тамъ другая. Ни тебѣ нашихъ поддевокъ, ни кафтановъ,—все на свободѣ. Ходятъ, палочками машутъ; жены, что мужья,—все одно на улицѣ. Завидная жизнь. Когда-то у насъ это заведется?

Ант. Надо полагать, скоро. Вишь, и мой все на изнанку вывернулъ. Онъ вѣдь, какъ маленька говорить, больше по умаленію разсудка...

Юр. И, Господи, что на нашей Москвѣ будетъ! Ужели-жъ такъ, какъ въ иныхъ прочихъ земляхъ?

Ант. А чѣмъ-же мы хуже? Ну, нашъ-то въ умаленіи. А Голицынъ, али Матвѣевъ? — Не говори: ничуть мы итальянскимъ вѣмцамъ не уступимъ... Да и мой-то Всеволодъ,—ахъ, какъ много звона пускаетъ. Надъ нимъ смѣются, а всѣ тянутся... Онъ у меня глупый, а ему умные завидуютъ...

Юр. Да они больше на счетъ жены...

Ант. Кто о чемъ, нашъ все о своемъ...

Юр. Ахъ, кабы намъ-съ тобой...

Ант. Кабы,—да росли во рту грибы...

Юр. (*придвигаясь*). И какъ то-есть хорошо теперь въ Венеціи...

Ант. (*отодвигаясь*). Ну, и побѣжай туда.

Юр. (*придвигаясь*). Венецейка, та, ежели синьйоръ къ ней придвинулся, никогда отъ него...

Ант. Она, какъ-же?

Юр. Она, какъ истуканъ. Ей все одно. Это только москвички наши—жмутся, потому безъ всякаго онъ ученія.

Ант. Скажите! Вѣкъ живи, вѣкъ учись! Такъ это надо такъ, чтобъ и бровью не моргнуть?

Юр. (*охватывая ее за плечи*). Вотъ... и чтобъ бровью не моргнуть...

Ант. А нѣшто венецейцы такъ облапливаютъ?

Юр. Ужъ ты сиди только, а не ворошись. О, сага, mia carissima...

Ант. А она все такъ и сидитъ?... Борющка, какія тамъ все глупыи...

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же, Мяздра, потомъ Гаррингтонъ.

Мяз. (*свиститъ и показывается на заборѣ*).

Ант. Ай?...

Юр. Не бось, это—свой.

Мяз. Обходъ идетъ, бояринъ,—потому мы сюда и лѣземъ.

Ант. Ай, я домой пойду... Ой, страшно, страшно!

Юр. Постой, куда?...

Ант. Нѣтъ, ужъ что-же... коли люди сюда пришли...

Юр. Да постой...

Ант. Ой, страшно, боюсь, боюсь. (*Юркается въ чащу.*)

Юр. Да погоди, погоди. (*Скрывается за ней.*)

Мяз. Чортъ бы драгъ эти обходы! Завели теперь положеніе, чтобъ ночью обходы ходили... Честнымъ людямъ нельзя постоять въ проулке за воровъ принимаютъ. (*Оглядывается.*) Бояринъ! Борисъ Петровичъ! Куда же его черти унесли!... Что-жъ, намъ дальне идти некуда, сэръ! Садись, сэръ, сюда въ тѣнь... Не доставало бы только одного, чтобы насъ оцѣпили и поколотили. Понимаешь, сэръ? Я въ надеждѣ на тебя. ЕСТЬ?

Гар. Вох? Oh, yes! (*Показываетъ кулакъ.*)

Мяз. Былъ я молодъ, и сколько, то есть, разъ мнѣ доводилось перегибать такъ заборы, а молодушки-лебедушки ждали меня по кустамъ... Хе! Ну, а теперь старость пришла, ничего не подѣлаешь... Эге, яблоковъ-то не мало здѣсь! Сэръ Генрыхъ Ивановичъ, яблоковъ хочешь?

Гар. Yes!

Мяз. Лѣзь сюда, трясина хорошенько.

(*Трясутъ яблоню.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же, Козлиха, за ней крадется Ерошка. Мяздра и Гаррингтонъ скрыты въ кустахъ справа. Слѣва въ кустахъ Аксюша.

Коз. (*бормочетъ про себя*). Накрою, боярыня голубушка, накрою!.. Недолго тебѣ мудрить и юлить... Ишь ты, яблоня-то трясется. Кому-жъ и быть, какъ не мнѣ? Цѣлуйтесь-милуйтесь... А вотъ приведу я старую боярыню, пусть полюбуется на невѣстуху, пусть полюбуется на красавицу... Да и боярыня-то носомъ толстымъ ткнуть: смотри молъ, смотри... (*Подходитъ къ кустамъ.*) Охъ, боюсь одна... Ну, да узнаете вы меня! (*Грозитъ въ кусты пальцемъ.*) Приведу!.. Я вамъ комедию венецейскую устрою... (*Идетъ къ дому.*)

Акс. (*выходя изъ кустовъ*). Ишь старая карга! никакъ она подсмотрѣла?.. Надоть бѣжать, бояринъ доложить, а то какъ разъ она навѣдетъ сюда дворню. Гдѣ боярыня-то? Господи, да куда жъ она дѣлась? Боярыня! Антонида Авдѣевна, родная, да гдѣ ты!?

Ер. Я за нее! (*Вылѣзаетъ изъ-за куста.*)

Акс. Ай!

Ер. Нишкни! Я свой. Я знаю, все знаю... Боярыня тутъ твоя съ нашимъ бояриномъ путается. Мы тутъ на сторожѣ. Никакъ вѣдьма въ домъ побѣгла?.. Гдѣ жъ бояринъ-то?..

Акс. Да кто его знаетъ,—сейчасъ былъ и сейчасъ нѣтъ.

Ер. Пошарить надо. (*Тихо свиститъ.*)

Мяз. Чего ты? (*Показывается изъ-за кустовъ.*)

Акс. Ай!

Ер. Бояринъ-то гдѣ?

Мяз. А шутъ его знаетъ! Сэръ, выходи, что-ли!

(Гар. *вылѣзаетъ*.)

Акс. Святые угодники, да что же это! да какъ вы въ садъ-то попали?..

Ер. Ищи скорѣй, не калякай! Ишь, огни въ домѣ зажгли, никакъ идутъ? Накроютъ насъ — тоже по головѣ не поглядятъ.

Мяз. (подойдя къ берегу). Бояринъ! Бояринъ!.. И куда ихъ занесло!.. И впрямь идутъ... Ну, чортъ меня деря, если я здѣсь остануся...

Акс. Вотъ что, — они, можетъ, въ бѣсѣдкѣ; бѣгите въ бесѣдку на горку. Вотъ за липой, мимо купаленки и въ гору...

Мяз. И то, я пойду, вы погодьте здѣсь. (*Бѣжитъ въ глубину*.)

Ер. Ну, что-жъ, а куда-жъ намъ-то?

Гар. Я сѣлъ тутъ, а ты тутъ! (*Показываетъ на заборъ*.)

Ер. (*персѣлѣзаетъ на улицу къ конямъ*).

Акс. Идутъ! Идутъ! Господи, фонари зажгли. Такъ и есть — боярыню ведутъ.

Гар. (*изъ кустовъ*). Я сѣлъ, и ты сѣлъ.

Акс. Грѣхи! Охъ, надѣнуть на меня посконный сарафанъ, да въ Коптевку, подъ Новгородъ отправятъ... Чуетъ сердечушко мое...

Гар. Ты сѣлъ!

Акс. (*Оглядывается и лѣзетъ къ англичанину*). И идолъ тутъ, какъ на грѣхъ! Не пойду, хоть рѣжь меня, — дальше не пойду! (*Садится у идола. Гарритонъ лѣзетъ дальше въ релейникъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Изъ дома Афросинья Егупьевна, Козлиха, Петрушка и дворня съ фонарями.

Аф. Ег. Быть того не можетъ, чтобъ такое дѣло. А вѣдь ежели ты сказала обмыжно, что съ тобой дѣлать?

Коз. А вотъ, мать моя, ты посмотри только, ты посмотри. Стала-ли-бы я тревожить тебя, да Всеволода Тимоеевича. Ужъ ежели я, раба, на такое дѣло пошла, стало быть, ужъ... Всеволода-то Тимоеевича сразу никакъ добудиться не могутъ. Нутка, давайте фонари. Нутка, боярыня, матушка, приготовься. Свѣти, Петрушка, свѣти сюда!

(*Всѣ двигаются къ кусту, гдѣ сидитъ Аксюша*.)

Коз. Пожалуй-ка, выходи изъ кусточка раки-това.

Аф. Ег. Выходи, а то силкомъ вытащимъ! (*Аксюша вся дрожа показывается изъ-за кустовъ*.)

Аф. Ег. Да это дѣвка наша! Что-жъ ты врешь, старая! Это — Аксютка. Ты что тутъ дѣлаешь?

Акс. (*упавъ въ ноги*). Матушка, виновата, — яблочки трясти сюда приходила...

Коз. Врешь, врешь! сама слышала, что тутъ двое было. Меня не обманешь — свѣти, Петрушка. (*Лѣзетъ въ кусты*.) Тутъ и есть! Вижу молодца. (*Напкнувшись на идола*.) Ахъ! Ахъ! (*Присѣдаетъ*.)

Аф. Ег. Чего она тамъ!? (*Подымается со скамейки, опираясь на посохъ*.) Я сама пойду, — меня никто тронуть не посмѣетъ. (*Идетъ въ кусты*.) Тѣфу ты напастъ, опять онъ! Такъ ты за этимъ звала меня, кикимора? Что-жъ, въ издѣвку я тебѣ досталась, что-ли?

Коз. (*Ложится на траву и вопитъ*). Охъ, охъ, идолище-то это самое и есть, о Господи-Христе! Петрушка, подыми меня, старуху, ноженьки подкосились — пластомъ лежу.

Аф. Ег. Я велѣла эту погань выбросить?! Кто смѣлъ его въ саду оставить?

Петр. Да самъ Всеволодъ Тимоеевичъ приказалъ, государыня. Мы только волю его выполнили. Куда-жъ дѣвать-то его? На улицу не поставишь.

Аф. Ег. А хоть въ прудъ его, — въ воду. Какъ же вы того всѣ не понимаете, что это идолъ поганый, и въ христіанскомъ домѣ ему не мѣсто.

Петр. А ужъ это, какъ батюшка бояринъ прикажетъ, такъ и будетъ, сударыня. Да вотъ они и сами шествовать изволятъ.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и Коптевъ, сонный, его ведутъ подъ руки Щелкунъ и Іеронимъ. Потомъ Тимоша.

Коп. И чего меня по мытарствамъ водятъ! Маменька, нѣтъ у тебя никакой жалости къ единственному сыну. Видишь ты, человекъ усталъ, измаялся разными непріятностями за день. Комары его искушали, — и только онъ на постель легъ и странничекъ ему началъ про птицу феникса рассказывать, — и только это я задремаю, тащутъ меня въ садъ. Побойся ты Бога. (*Садится на скамью*.)

Щел. Елеме подняли, государыня, боярыня, — ровно чумовой, ничего не понимаетъ, лопочетъ только: «грядущаго взыскую»...

Тим. (*Красный и потный*). Батя, тамъ пріѣхалъ кто-то!

Аф. Ег. Забеспокоилась Козлиха, что Антониды нѣтъ, и потащила меня въ садъ ее искать, да и тебя подняла.

Коп. Ты что, старая, белены объѣлась?

Коз. Бояринъ-батюшка, Всеволодъ Тимоеевичъ, — да гдѣ же боярыня-то, вѣдь ты подумай — гдѣ же ей быть?

Коп. Гдѣ жъ ей быть? Тутъ, гдѣ-нибудь! Антонидушка, милая, гдѣ ты!? Ау! Выходи!

Тим. А я знаю, гдѣ она! Я только недавно ее видѣлъ.

Афр. Ег. Ну? Ну?

Тим. Она по летучимъ мышамъ колдуетъ. Ей-ей, батенька!

Коп. Колдуетъ!

Тим. Ей-ей. И Козлиха ей помогаетъ. У! Она сама колдунья.

Коз. Да въ умѣ ли ты, Тимошей Всеволодовичъ,—что ты говоришь!

Тим. Говорю то, что знаю. Не батькинъ слѣдъ небось у тебя былъ вырѣзанъ? Что? А?..

Афр. Ег. Такъ ты вотъ на что поднялась? Такъ ты такъ-то! Да я не посмотрю, что ты Тимошу нянчила, я тебя...

Коз. Ой, не погуби! Ой, не погуби! (*Ползаетъ въ ногахъ.*)

Коп. Антонидушка,—да гдѣ ты? Откликнись! Ау!

Ант. (*Издали.*) Ау!

Коп. Ну, вотъ она! (*Кричитъ.*) Иди сюда!

Ант. Иду-у!

Коп. Откуда жъ она идетъ-то?

Щел. Да изъ дома, никакъ!

Афр. Ег. Изъ дома? И то изъ дома. Ты видишь это, вѣдьма, видишь?

Коз. Охъ, матушка, ничего не вижу,—все въ глазнышкахъ помутилось.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и Антонида, въ испугѣ.

Ант. Что? Что случилось? Что вы домъ весь поставили?

Коп. Да тебя ищемъ.

Ант. Меня-я? Да я у себя въ спальнѣ ужъ раздѣтая лежала, какъ ты кликать меня началъ. Я такъ испугалась, такъ испугалась... И вдругъ слышу, будто разбойники наѣхали... Сразу-то не разберу съ дремоты... Охъ, какъ я испугалась, охъ, какъ испугалась... (*Садится на скамью.*)

Афр. Ег. И впрямь вѣдь она въ домѣ была.

Ант. И какой ты глупый, какой глупый! Ну, можно ли такъ пугать молодую жену. Вѣдь, ты меня такъ испугалъ, что я въ прудъ съ разбѣгу могла попасть. Проси сейчасъ прощенья, проси сейчасъ.

Коп. Да я и руки врозь, Антонидушка. Вотъ сошлись всѣ олухи, и я пришелъ.

Ант. А домъ пустой! Стучать въ ворота, стучать,—нѣтъ никого. Слышу, чуть ворота не ломаютъ... Вновь голосами ди-кими... Я ужъ по голосамъ узнала, что это Юренивъ съ нѣмцемъ за истуканомъ прѣхали. Просить, нельзя ли сейчасъ его свезти.

Афр. Ег. Пусть свезутъ, пусть сейчасъ тащутъ, я за нѣмцемъ и посылала сама.

Ант. Вотъ и они идутъ сюда. Сюда, Борисъ Петровичъ, сюда иди, мы здѣсь, иди, не бойся, мы хороводы водимъ.

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же, Юренивъ, Шенелле и Мяздра.

Юр. Не сердись, Всеволодъ Тимошевичъ, что въ столь позднюю пору прѣхалъ, но такъ какъ матушкѣ боярынѣ благоугодно сегодня же истукана отправить, такъ я присмотрѣть за укладкой прибылъ, потому цѣна ему дороже твоего прибора.

Афр. Ег. Тащи, тащи! Хоть одно доброе дѣло сдѣлаешь.

Юр. Живымъ дѣломъ все оборудуемъ,—не изволь беспокоиться.

Коп. Да ужъ,—ужъ вы того... Вы поскорѣе... Потому идолъ этотъ вотъ гдѣ у меня сидитъ. (*Видитъ Мяздру.*) Это что еще за бочка? Этому чего надо?

Мяз. А я, какъ состоящій при идолѣ.

Коп. Ишь ты видный какой.. Словно слонъ персидскій!

Ант. Ахъ, напугалъ-же ты меня, старый! Какъ же ты такъ Содома поднялъ? А?

Коп. Антонидушка, прости меня глупаго, прости Христа ради, сложи гнѣвъ на милость.

Ант. Чѣмъ это шутишь, я знаю, знаю на облаву за кѣмъ вышли... Все это матушка Афросинья Егупьевна, да Козлиха! Охъ, надо бы Козлиху въ подмосковную послать, такъ-то ей тамъ хорошо будетъ дѣвокъ дворовыхъ ловить.

Коп. (*Козлихѣ*). Слыхала? Собирай рухлядишку, и чтобъ завтра на зарѣ... Петрушка, слышь?

Коз. (*Воемъ*).

Афр. Ег. Ну, а я что жъ, а меня то? Можеть, и мнѣ рухлядишку складывать, да въ подмосковную ѣхать?

Коп. Маменька, кто объ этомъ говоритъ! Пустословіе.

Ант. А вотъ ты, маменька, ровно бы въ монастырь собиралась?

Афр. Ег. Да и уйду. Мнѣ ужъ больше не въ мочь на сына моего любезнаго смотрѣть съ его заморскими свѣчаями. Подобіе Гошіе потерялъ! Самъ сталъ истуканомъ венецейскимъ. Ужъ я тебя отъ сихъ поръ и звать иначе не стану, какъ истуканъ венецейскій. (*Увидѣвъ Акютку.*)—Ну, а съ тобой что сдѣлаетъ боярыня? Ты по ночамъ яблоки воруетъ, что же тебѣ за это?

Ант. А ей, чтобы не воровала она,—выдать мѣшокъ яблоковъ, вотъ и все.

Афр. Ег. Идолы вы всѣ,—вотъ что! (*Идетъ итывая къ дому, Козлиха за ней.*)

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Тѣ же, и черезъ тынъ Минита, запыхавшійся.)

Мин. Бояринъ, бояринъ, въ своемъ ли здоровьѣ? А я-то какъ шальной сюда бѣжалъ...

Юр. Чего ты, съ цѣпи сорвался, что-ли?

Мин. Съ цѣпи не съ цѣпи, а изъ погреба—это точно! Кабы хозяйка ключъ не подобрала—сидѣть бы тамъ до утра...

Юр. (*Грозя ему*). Видишь, до чего тебя доводятъ бабы! Говорилъ я — оставь эту привычку. Бери съ меня примѣръ...

Коп. И сонъ я совсѣмъ разгулялъ! Теперь ты, странный человѣкъ, сызнова мнѣ пятки чесать долженъ, и о пупѣ земли рассказывать...

Іер. Слушаю, бояринъ, слушаю!

Ант. А ты бы лучше ужиномъ угостилъ гостей-то. Чего спать-то такую рань?

Коп. И то, ежели на венецейскомъ приборѣ, на новомъ, а? Петрушка, слышь?

Пет. Слышу, бояринъ.

Шн. (*Подойдя къ Коптеву*). И что же, Всеволодъ Тимотей,—и братъ Меркуріусъ?

Коп. Бери, ну его къ лѣшему.

Шн. Ну, ребята!

Коп. (*Кряхтя, подымается со скамьи*). А это вѣрно, теперь буженинки отвѣдать не дурно!

Щел. Батюшки! Человѣкъ здѣсь!

Коп. Какого еще тамъ напелъ? Тащи его сюда за рога...

Щел. Длинный, да большой. Ну, иди, иди, чего упираться. (*Выводитъ изъ кустовъ Гарикитона.*)

Коп. Ишь ты, въ репьяхъ весь! Ты это за какими воровскимъ дѣломъ пришелъ?

Шн. О, нѣтъ! Это я приводилъ, это аглицки шеловѣкъ изъ нѣмецки слободъ—утшитель Тимошъ.

Коп. О, о! (*Посмотрѣвъ на него*.) Ну, у этого Тимошей учиться будетъ...

Тим. Вотъ тоже, изъ какого болота достали!

Ант. Ну, пойдѣмъ гости дорогіе, въ хоромы,—не до утра же здѣсь стоять. Давай по-венецейски мнѣ руку, Борисъ Петровичъ.

Коп. Идемъ! Слава те, Господи!—все обошлось благополучно... Петрушка, чтобъ въ столовую шли музыканты! Будемъ ужинать, а музыка пусть играетъ. Аглицкій человѣкъ, двигайся.

Гар. Yes!

(*Всѣ идутъ.*)

